

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

КЛАЙВ БАРКЕР

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА
НОЧНОЙ НАРОД

Клайв Баркер
Восставший из
ада. Ночной народ
Серия «Легенды хоррора»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67634817
Клайв Баркер Восставший из ада. Ночной народ:
ISBN 978-5-17-120885-1

Аннотация

«Восставший из ада»: легендарная повесть, которую Клайв Баркер экранизировал лично, положив начало одному из самых знаменитых, оригинальных и значимых циклов в истории хоррора. Все началось, когда Фрэнк Кот тон, искатель наслаждений и мошенник, открывает шкатулку Лемаршана, которая по легендам ведет в чертоги неземных удовольствий. Но к Фрэнку приходят сенобиты, обитатели иных миров, чьи представления о блаженстве не имеют ничего общего с человеческими, и теперь невольная жертва собственных желаний сделает все для того, чтобы вырваться из царства вечных мучений.

«Ночной народ», также экранизированный самим писателем, стал культовым хоррором 1980-х годов, одну из главных ролей в нем сыграл Дэвид Кроненберг, а вскоре этот роман станет

основой одноименного сериала. Молодой человек по имени Бун, страдающий психическим расстройством, считает себя виновным в серии жестоких убийств. В отчаянии он пытается разыскать Мириан, город из легенд, где можно найти отпущение даже самым страшным грехам. Но вместо прощения он находит Ночной народ, странных и зловещих созданий, обладающих невероятными способностями. Вот только за Буном идет охота, и теперь он должен спасти не только себя, но и тех, кто ему поверил.

Содержание

Восставший из ада	7
Один	8
Два	24
Три	33
Четыре	43
Пять	55
Шесть	62
Семь	76
Восемь	91
Девять	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Клайв Баркер

Восставший из ада

Ночной народ

Clive Barker

THE HELLBOUND HEART

CABAL

Перевод с английского: Николай Кудрявцев, Сергей Карпов

В оформлении использована иллюстрация Сергей Неживясова

Дизайн обложки: Василий Половцев

Серия «Легенды хоррора»

Hellbound Heart. Copyright © Clive Barker 1986

Cabal. Copyright © Clive Barker 1988

© Николай Кудрявцев, перевод, 2022

© Сергей Карпов, перевод, 2022

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Восставший из ада

Посвящается Мэри

*Хотел бы дух любовника призвать я,
Что до рожденья Купидона эсил.
Джон Донн. Божество любви¹*

---

¹ Перевод М. Бородинской.

Один

Уж так Фрэнку не терпелось открыть шкатулку Лемаршана, что он даже не услышал, когда начал звонить большой колокол. Игрушку создал настоящий мастер, и тайна ее заключалась вот в чем: Фрэнку говорили, что в ней таятся настоящие чудеса, но, похоже, способа добраться до них просто не существовало, на шести черных лакированных гранях не нашлось ни одной подсказки, куда следует нажать, чтобы хоть один кусок этой трехмерной головоломки отделился от другого.

Фрэнк уже видел такие – например, в Гонконге, плод китайской склонности к метафизике, воплощенной в твердой древесине – но к изящности и техническому гению китайцев француз привнес свою собственную извращенную логику. Если в ребусе и существовала система, Фрэнк не мог ее найти. Лишь после нескольких часов проб и ошибок случайное положение большого пальца, среднего и мизинца дало результат: раздался едва слышный щелчок, а потом – победа! – целый сегмент скользнул в сторону.

Последовали два открытия.

Во-первых, изнутри шкатулка была отшлифована до блеска. Отражение Фрэнка – искаженное, раздробленное – скакало по лакированной поверхности. Во-вторых, этот самый Лемаршан, в свое время прославленный конструктор меха-

нических певчих птиц, сделал коробку так, что ее открытие запускало музыкальный механизм, и теперь тот принялся бренчать коротенькое рондо восхитительной банальности.

Вдохновленный успехом, Фрэнк принялся лихорадочно возиться со шкатулкой, быстро находя все новые сочетания бороздок, пазов и хорошо смазанных шестеренок, которые, в свою очередь, вели к дальнейшим сложностям. И с каждым решением – с каждым новым поворотом или усилением – в дело вступал новый музыкальный элемент, в мелодии появлялись контрапункты, она развивалась, и вскоре изначальное каприччио почти растворилось в аранжировке.

Пока Фрэнк трудился, начал звонить колокол – равномерно и торжественно. Фрэнк его не слышал, по крайней мере, не осознал этого. Но когда головоломка почти разрешилась – когда развязался узел зеркальных внутренностей – он вдруг понял, что в животе мутит от звона, словно тот не унимался уже лет сто.

Фрэнк оторвался от работы. Поначалу решил, что шум идет откуда-то с улицы – но быстро отмел этот вариант. Возиться со шкатулкой конструктора птиц Фрэнк начал около полуночи; с тех пор прошло несколько часов – чего он бы и не заметил, если бы не носил часы сам. В этом городе не было церкви, – как бы отчаянно та не хотела привлечь новых прихожан в свое лоно – которая в такое время решила бы звонить в колокол.

Нет. Звук шел откуда-то издалека, он доносился из-за две-

ри (все еще невидимой), которую по замыслу и должна была открывать чудесная шкатулка Лемаршана. Все, что обещал Кирхер – человек, продавший ее, – оказалось правдой! Фрэнк стоял на пороге нового мира, края бесконечно далекого от комнаты, где он сейчас сидел.

Бесконечно далекого; но неожиданно столь близкого.

От этой мысли его дыхание участилось. Фрэнк так сильно ждал этого момента, так тщательно планировал разрыв завесы, приложив к этому все силы своего разума. Мгновение – и они будут здесь, те, кого Кирхер называл сенобитами, теологами Ордена Разреза. Призванные, оторванные от экспериментов в высших измерениях удовольствия, они принесут свои неподвластные времени головы в мир дождя и неудач.

Всю прошлую неделю Фрэнк неустанно работал, готовя комнату для их визита. Тщательно отскоблил голые доски и усыпал их лепестками. Около западной стены воздвиг нечто вроде алтаря, украшенного умиротворяющими дарами, которые, как заверял Кирхер, поспособствуют любезности гостей: костями, иглами и конфетами. Кувшин с мочой Фрэнка – он собирал ее целых семь дней – стоял на алтаре с левой стороны на случай, если им вдруг понадобится совершить акт самоосквернения. Справа находилось блюдо с голубиными головами, их также посоветовал припасти Кирхер.

Фрэнк не упустил из виду ни единой части ритуала. Ни один кардинал, жаждущий влезть в башмаки рыбака, не мог бы выказать большего усердия.

Но теперь, когда колокольный звон стал громче, заглушив музыкальную шкатулку, Фрэнк испугался.

Слишком поздно, пробормотал он про себя, надеясь унять растущий страх. Устройство Лемаршана раскрылось: последнее сочленение повернулось. Уже не осталось времени для уловок или сожалений. К тому же разве не рискнул он жизнью и рассудком, лишь бы приоткрыть завесу реальности? Прямо сейчас распахивалась дверь навстречу наслаждению, о существовании которого знала лишь горстка людей, но вкуса его не ведала – наслаждения, которое заново определит даже свойства восприятия и вырвет Фрэнка из постылого круга желаний, соблазнений и разочарований, что преследовал его с самого отрочества. Новое знание изменит все, разве не так? Ни один человек не смог бы испытать глупину подобных чувств и остаться прежним.

Голая лампочка посередине комнаты потускнела и засияла вновь, засияла и опять потускнела. Она подчинялась ритму колокола, с каждым новым ударом вспыхивая как никогда прежде. В перерывах между звоном в комнате воцарялась абсолютная тьма; словно мир, в котором Фрэнк жил вот уже двадцать девять лет, исчезал. Потом снова гремел колокол, и лампочка вновь загоралась так ярко, будто и не гасла, а Фрэнк на несколько драгоценных минут снова оказывался в знакомом месте, где дверь вела на лестницу и оттуда на улицу, а из окна – будь у Фрэнка воля (или силы) поднять жалюзи – он мог бы увидеть призрак утра.

С каждым ударом свет от лампочки открывал все больше. Восточную стену словно кто-то свеживал; кирпичи теряли плотность, а потом и вовсе исчезли; в то самое мгновение Фрэнк увидел место, откуда доносился звон. Это был мир птиц? Огромных черных птиц, застигнутых врасплох нескончаемой бурей? Вот и все, что он смог разобрать в измерении, откуда – прямо сейчас – шли иерофанты: в нем царило смятение, хаос, в нем было множество хрупких, изломанных существ, которые поднимались и падали, питая черный воздух собственным страхом.

А потом стена вновь обрела материальность, колокол замолк. Лампочка потухла. На этот раз без всякой надежды на воскресение.

Фрэнк стоял во тьме, как будто онемев. Даже если бы он сейчас вспомнил заготовленную речь, то язык не смог бы сформулировать ни слова. Он притворился мертвым во рту.

А потом – свет.

Шел он от *них*: четырех сенобитов, которые теперь, когда стена затвердела, стояли в комнате. Прерывистое свечение, как сияние глубоководных рыб: голубое, холодное, неприглядное. Фрэнка вдруг поразило то, что он ни разу не поинтересовался тем, как они могут выглядеть. Его воображение, всегда такое изобретательное, когда дело касалось обмана и воровства, во всех других отношениях было крайне скудным. Он не мог представить себе превосходство, а потому даже не пытался.

Вот только почему он так встревожился, стоило ему их увидеть? Может, из-за шрамов, покрывающих каждый сантиметр их тел, из-за плоти, косметически проткнутой, разрезанной, скрепленной какими-то пряжками, а потом присыпанной золой? Или из-за запаха ванили, который от них шел, чья сладость мало скрывала настоящий смрад? Или же дело заключалось в том, что свет становился все ярче, а Фрэнк вглядывался в гостей все пристальнее, и в этих изуродованных лицах не увидел ни намека на радость, даже на элементарную человечность: лишь безумие, отчаяние и страсть, от которых его кишки заныли, вознамерившись тут же опорожниться.

– Что это за город? – поинтересовался один из четырех; Фрэнк с большим трудом мог предположить, какого тот пола. Одежда пришельцев, ткань которой иногда была вшита в кожу, а иногда проходила сквозь нее, скрывала все половые признаки, а в остатках голоса или в намеренно изувеченных чертах лица ничто не давало и намека на отгадку. Крючки, которые пронзали веки существа, с помощью сложной системы цепочек, проходящих сквозь плоть и кости, были связаны с такими же крючками в нижней губе, и когда оно заговорило, первые задержались от движения, обнажая поблескивающее от крови мясо.

– Вам был задан вопрос, – сказала оно.

Фрэнк не ответил. Название города – это последнее, что сейчас приходило ему в голову.

– Вы нас понимаете? – потребовала ответа фигура, стоящая рядом с первым оратором. Ее голос, в отличие от спутника, был слабым, с придыханием – голосом возбужденной девочки. Каждый сантиметр головы этого сенобита покрывала затейливая татуировка в виде сетки, а на пересечениях горизонтальных и вертикальных осей в кость была вбита украшенная драгоценным камнем булавка. Множество их поблескивало даже у него в языке.

– Вы вообще знаете, кто мы? – спросило оно.

– Да, – наконец выдавил из себя Фрэнк. – Знаю.

Как иначе? Он и Кирхер долгими ночами обсуждали намеки, подсмотренные в дневниках Болингброка и Жилия де Ре. Он изучил все, что человечество знало об Ордене Разреза.

И все же... он ожидал чего-то иного. Ожидал хотя бы знака, говорящего о невероятном величии, которое было им ведомо. Он думал, что они хотя бы придут с женщинами: на маслянистыми женщинами, женщинами с грудями, полными молока; выбритыми и мускулистыми для актов любви; с надушенными губами, с дрожащими от предвкушения бедрами, с увесистыми ягодицами, как любил Фрэнк. Он ожидал вздохов, томных тел, распростертых на полу, подобно живому ковру; он ожидал девственных шлюх, каждое отверстие которых было бы открыто его желаниям, чьи умения вознесли бы его – вверх, вверх – к немыслимым вершинам экстаза. Весь мир исчез бы в их объятиях. Фрэнка превознесли бы за

его похоть, а не презирали.

Но нет. Ни женщин, ни вздохов. Только эти бесполое существа с морщинистой кожей.

Теперь заговорило третье. Оно было чудовищно шрамировано – а раны выпестовали так, что те вздулись волдырями, – его глаза практически исчезли, а слова искажал обезображенный рот.

– Чего вы хотите? – спросило оно.

Фрэнк внимательно рассмотрел вопрошающего, с ним он чувствовал себя куда увереннее, чем с первыми двумя. С каждой секундой страх испарялся. Воспоминания об ужасающем месте за стеной отступали. Он остался наедине с этими немощными декадентами с их смрадом, причудливым уродством и столь очевидной хрупкостью. Единственное, чего он теперь боялся, так это тошноты.

– Кирхер сказал, что вас будет пятеро, – ответил Фрэнк.

– Инженер придет, если момент будет тому соответствовать, – последовал ответ. – И все же, мы спрашиваем вас: *Чего вы хотите?*

А почему бы не ответить им прямо?

– Наслаждения. Кирхер сказал, что вам известно все о наслаждении.

– О, это так, – протянуло первое существо. – О любом, которое вы можете пожелать.

– Да?

– Разумеется. Разумеется. – Оно уставилось на него свои-

ми чересчур открытыми глазами. — О чем вы мечтали?

Вопрос, заданный так прямо, смутил Фрэнка. Как он мог облечь в слова сущность фантазмов, созданных его либидо? Он все еще подыскивал правильные выражения, когда один из гостей сказал:

— Этот мир... он вас разочаровывает?

— И весьма.

— Вы не первый, кто устал от его тривиальности. Были и другие.

— Не так много, — добавило существо с размеченным булавками лицом.

— Воистину так. С десяток от силы. Но лишь немногие осмелились воспользоваться Конфигурацией Лемаршана. Люди, вроде вас, жадные до новых возможностей, те, кто слышал о наших способностях, неизвестных в вашей стороне.

— Я ожидал... — начал Фрэнк.

— Мы знаем, чего вы ожидали, — ответил сенобит. — Мы глубоко и в полной мере понимаем природу вашего неистовства. Оно знакомо нам в высшей степени.

Фрэнк хмыкнул:

— Значит, вы знаете, о чем я мечтал. Вы можете дать мне подобное наслаждение.

Лицо существа словно вскрылось, его губы загнулись назад: улыбка, как у бабуина.

— Не так, как вы его понимаете, — последовал ответ.

Фрэнк уже открыл рот, но существо взмахом руки приказало ему молчать.

– Нервные окончания можно довести до такого состояния, – сказало оно, – которое ваше воображение, в какой бы лихорадке оно не пребывало, не может и помыслить.

– ...да?

– О да. Совершенно верно. Ваша самая драгоценная извращенность – лишь детская игра по сравнению с тем опытом, который предлагаем мы.

– Хотите ли вы приобщиться к нему? – спросил второй сенобит.

Фрэнк окинул взглядом их шрамы и крючки. И снова ему не хватило слов.

– *Хотите?*

Снаружи, где-то рядом, скоро пробудится мир. Он следил за его пробуждением из окна этой самой комнаты день за днем, видел, как тот, копошась, отправляется на очередной круг бесплодных поисков, и Фрэнк знал, прекрасно знал: там не осталось ничего, что было бы способно возбудить его. Никакого жара, один только пот. Никакой страсти, лишь неожиданная похоть и такое же неожиданное безразличие. И потому Фрэнк отринул подобное разочарование. И если для этого ему придется истолковать знаки, принесенные этими существами, то это неплохая цена за высокую цель. И он был готов ее заплатить.

– Покажите мне.

– Пути назад не будет. Вы это понимаете?

– *Покажите мне.*

Им не потребовалось дальнейшего приглашения, чтобы поднять занавес. Фрэнк услышал, как скрипнула, словно открывшись, дверь, и, когда повернулся, выяснил, что мир за порогом растворился в той же самой переполненной паникой тьме, откуда раньше вышли члены Ордена. Он вновь посмотрел на сенобитов, желая получить хоть какое-то объяснение. Но те исчезли. Правда, не пропали бесследно. Они забрали с собой цветы, оставив лишь голые половицы, а на алтаре подношения начали чернеть, как будто их сжигало свирепое, но невидимое пламя. Фрэнк почувствовал в воздухе запах гари; та ударила в ноздри столь резко, что, казалось, из носа сейчас хлынет кровь.

Но она стала только началом. Стоило Фрэнку ее ощутить, как еще с десятков других запахов наполнили его разум. Ароматы, которые до того он едва замечал, неожиданно обрели невероятную силу. Непреходящее благоухание унесенных цветов; запах краски на потолки и живицы в дереве под ногами – все это ударило в голову. Он даже мог учуять темноту за дверью, а в ней смрад от помета сотен тысяч птиц.

Фрэнк закрыл нос и рот рукой, лишь бы ослабить этот натиск, но из-за вони от пота на пальцах у него закружилась голова. Его бы вырвало, но тут в мозг хлынул поток новых ощущений, идущих от каждого нервного окончания и вкусового сосочка.

Казалось, он чувствовал, как пылинки сталкиваются с его кожей. От каждого вдоха горели губы, от каждого моргания – глаза. Желчь жгла горло, а из-за кусочка вчерашней говядины, застрявшего в зубах, всю систему свело спазмами, когда с него на язык упала капелька подливки.

Уши стали не менее чувствительны. Голова раскалывалась от тысячи звуков, некоторые из них Фрэнк породил сам. Воздух, разбивающийся о барабанные перепонки, был ураганом, газы в кишечнике – громом. Но существовали и другие шумы – не счесть им числа – атаковавшие его откуда-то из вне. Голоса, кричащие от злости, шепоты любви, рев и дребезжание, обрывки песен, рыдания.

Неужели так звучал мир – утро, врывавшееся в тысячи домов? Фрэнк не мог прислушаться; какофония лишила его возможности анализировать.

Но было кое-что похуже. Глаза! Боже, он понятия не имел, что возможно такое мучение; он, тот, кто считал, что на Земле нет ничего, способного его поразить. Как же теперь его кружило! Повсюду зрение!

Обыкновенная штукатурка на потолке обернулась жуткой географией мазков. Простой узор на рубашке – невыносимо запутанным переплетением нитей. В углу Фрэнк увидел клеща на голове мертвого голубя, увидел, как тот мигнул, распознав, что его заметили. Слишком много всего! Слишком много!

В ужасе Фрэнк закрыл глаза. Но внутри оказалось да-

же больше, чем снаружи; воспоминания, чья жестокость потрясла его до грани бесчувствия. Он пил молоко матери и давился; чувствовал руку брата на шее (Драка, родственное объятие? Неважно, в любом случае он задыхался). И еще больше; сильно больше. Короткая жизнь, полная впечатлений, идеальным почерком записанных на коре головного мозга, и теперь все они разрушали психику Фрэнка своим настойчивым желанием того, чтобы о них вспомнили.

Казалось, Фрэнк сейчас взорвется. Если не считать громких криков, мир за пределами головы – комната и птицы за дверью – не мог сравниться с воспоминаниями. Лучше так, подумал он, и попытался открыть глаза. Но те не послушались. То ли слезы с гноем, то ли игла с нитью закрыли их накрепко.

Он подумал о лицах сенобитов: о крюках, о цепях. Может, они уже провели подобную операцию и над ним, бросив в темницу его собственного разума, в вереницу его собственной истории?

Испугавшись безумия, Фрэнк принялся звать к своим мучителям, хотя уже не верил, что его услышат.

– Почему? – взмолился он. – Почему вы так поступаете со мной?

Эхо от слов ревели в ушах, но он едва обратил на него внимание. На поверхность всплывало все больше впечатлений из прошлого, измываясь над Фрэнком. Детство покалывало язык молоком и фрустрацией, но к нему уже присоеди-

нялись взрослые ощущения. Он вырос! Был усатым и могучим, с тяжелыми руками и мощным кишечником.

Юношеские радости принесли с собой привлекательность молодости, но годы ползли, и слабые ощущения потеряли свою силу, понадобился опыт насыщеннее. И вот он снова возник, но во тьме, в подсознании, казался острым и резким.

Фрэнк чувствовал неопишуемые вкусы на языке: горькие, сладкие, кислые, соленые; чуял пряности, дерьмо, волосы матери; видел города и небеса; видел скорость, видел глубины; преломлял хлеб с уже умершими людьми; его обжигал жар от их слюны на щеке.

И разумеется были женщины.

Посреди всей сумятицы и хаоса постоянно всплывали воспоминания о женщинах, штурмующие его своими ароматами, текстурами, вкусами.

Близость такого гарема возбудила Фрэнка, несмотря на все вокруг. Он расстегнул штаны, принялся гладить член, ему больше хотелось просто излить семя, освободиться от этих существ, чем получить удовольствие.

Ублажая себя, Фрэнк понимал, пусть и не полностью, как жалко сейчас выглядит: слепой человек в пустой комнате, возбужденный видениями. Но выматывающий, совершенно безрадостный оргазм даже не замедлил неумолимую череду воспоминаний. Колени у Фрэнка подогнулись, и он рухнул на пол туда, где только что упало его семя. Ударившись о доски, почувствовал спазм боли, но тот сразу смыло очеред-

ной волной памяти.

Фрэнк перекатился на спину и закричал: кричал, заклинал, чтобы все это прекратилось, но ощущения стали еще сильнее, взлетали на новую высоту с каждой новой мольбой, срывавшейся с губ.

Жалобы слились в единый шум, все слова и смысл затмила паника. Казалось, никакого выхода, кроме безумия, из этого круговорота нет. Никакой надежды, кроме как оставить всякую надежду.

И как только в голове появилась эта последняя, вгоняющая в отчаяние мысль, мучение прекратилось.

Сразу; полностью. Все исчезло. Виды, звуки, прикосновения, вкусы, запахи. Фрэнка лишили всего. Несколько секунд он даже сомневался, существует ли. Сердце ударило раз, другой, третий, четвертый.

На пятом он открыл глаза. Комната была пуста, голуби и кувшин с мочой исчезли. Дверь закрылась.

Фрэнк осторожно сел. Конечности покалывало; голова, запястья и мочевого пузыря болели.

А потом... движение в другой стороне комнаты привлекло его внимание.

Там, где всего две секунды назад ничего не было, теперь появилась незнакомая фигура. Четвертый сенобит, тот, который не произнес ни слова, не показал лица. И это было не оно, понял Фрэнк, а она. Женщина сбросила капюшон вместе со всей одеждой. Ее кожа казалась серой, но сияла, ее

губы были окровавлены, а ноги раздвинуты так, что во всех подробностях виднелись затейливые шрамы на лобке. Она сидела на куче гниющих человеческих голов и улыбалась, приветствуя Фрэнка.

Столкновение чувственности и смерти ужаснуло его. Разве мог он сомневаться, что именно она лишила жизни всех тех, чьи головы стали ей треном? Их разлагающаяся плоть осталась у нее под ногтями, а языки – двадцать или даже больше – рядами лежали на умасленных бедрах, словно ожидая, кто первым проникнет в нее. Фрэнк не сомневался, что мозги, сочащиеся из ушей и ноздрей голов, сошли с ума до того, как минет или поцелуй остановил сердца их обладателей.

Кирхер солгал ему – или его самого жестоко обманули. Здесь не было и намека на наслаждение; по крайней мере, не в человеческом смысле.

Фрэнк совершил ошибку, открыв шкатулку Лемаршана. Ужасную ошибку.

– О, вы закончили грезить, – сказала сенобит, внимательно рассматривая его, пока Фрэнк лежал, тяжело дыша, на голых досках. – Хорошо.

Она встала. Языки упали на пол, подобно дождю из слизней.

– Теперь мы можем начать, – сказала она.

Два

1

– Не совсем такого я ожидала, – прокомментировала Джулия, когда они остановились в прихожей. Смеркалось; холодный день августа. Не самое лучшее время осматривать дом, который так долго стоял пустым.

– Нужен ремонт, – сказал Рори. – И все. Тут ничего не трогали с тех пор, как умерла моя бабушка. Почти три года. И я уверен, что в конце жизни она с домом вообще ничего не делала.

– И он твой?

– Мой и Фрэнка. Завещан нам обоим. Но хоть кто-нибудь может сказать, когда видел моего братца в последний раз?

Джулия пожала плечами, словно и сама не знала ответа на этот вопрос, но на самом деле все помнила прекрасно. За неделю до свадьбы.

– Говорили, он провел тут пару дней прошлым летом. Как обычно сношался, наверное. Потом опять уехал. Частная собственность его не интересует.

– Но предположим, мы въедем, а он вернется и захочет себе часть?

– Я ее выкуплю. Возьму кредит в банке и выкуплю. У него

всегда проблемы с деньгами.

Она кивнула, но слова Рори явно Джулию не убедили.

– Не волнуйся, – сказал тот, подошел к ней и обнял. – Это наше место, куколка. Мы сможем покрасить его, взлелеять и превратить в настоящий рай на Земле.

Он внимательно всмотрелся в лицо Джулии. Иногда – особенно, когда ее одолевало сомнение, как сейчас – красота жены пугала Рори.

– Поверь мне, – сказал он.

– Верю.

– Тогда все хорошо. Ну что, думаю, переезжать начнем в воскресенье?

2

Воскресенье.

В этой части города оно по-прежнему было днем Господним. Пусть владельцы красивых домиков и отутюженных детишек уже ни во что не верили, но все равно соблюдали традиции. Дернулась лишь пара занавесок, когда подъехал лютоновский фургон, и началась разгрузка; несколько любопытных соседей, вроде бы выгуливая собак, раз или два неспешно прошли около дома, но никто не заговорил с новыми жильцами и тем более не предложил помочь с мебелью. В воскресенье не стоило поднимать тяжести.

Джулия следила за распаковкой, пока Рори организовыв-

вал разгрузку фургона, а Льютон и Безумный Боб таскали вещи. Понадобилось целых четыре поездки, чтобы перевезти основную часть барахла с Александра-роуд, и все равно к концу дня на старом месте осталась куча безделушек, которые придется забрать позже.

Где-то в два часа дня на пороге появилась Кирсти.

– Пришла посмотреть, не нужна ли вам помощь, – сказала она, словно извиняясь.

– Лучше заходи внутрь, – ответила Джулия. Она вернулась в гостиную, которая сейчас больше походила на поле боя, где побеждал хаос, и тихо прокляла Рори. Эту заблудшую душу, разумеется, пригласил он. От Кирсти будет больше вреда, чем пользы: ее сонный, вечно унылый вид страшно действовал Джулии на нервы.

– Что мне сделать? – спросила Кирсти. – Рори сказал...

– Да, – вздохнула Джулия. – Уверена, уж он-то сказал...

– А где он? В смысле, Рори.

– Поехал с грузчиками, как будто нам тут бардака не хватает.

– О.

Джулия слегка смягчилась:

– Знаешь, очень мило, что ты вот так пришла, но думаю, сейчас тебе будет нечем заняться.

Кирсти слегка зарделась. Может, она вечно витала в облаках, но глупой не была.

– Понятно. Ты уверена? А не могу я... В смысле, может

тебе кофе сделать?

— Кофе, — сказала Джулия. При одной мысли о нем она вдруг поняла, как же пересохло в горле. — Да, это неплохая идея.

Приготовление кофе не обошлось без небольших травм. Ни одно из дел, за которые бралась Кирсти, не оказывалось простым. Она стояла на кухне, кипятила воду в кастрюле, которую искала целый час, думая, что возможно ей вовсе не стоило приходить. Джулия вечно странно смотрела на нее, словно искренне не понимала, почему Кирсти не придушили еще в колыбели. Неважно. Это же Рори попросил ее прийти, разве не так? И такого приглашения было достаточно. Она бы не упустила шанс увидеть его улыбку, несмотря на сотни Джулий.

Фургон приехал через двадцать пять минут, в это время женщины дважды попытались разжечь с трудом тлеющий разговор и дважды потерпели неудачу. У них было мало общего. Джулия, привлекательная, красивая, завоевательница всех взглядов и поцелуев, и Кирсти, девушка с вялым рукопожатием, чьи глаза становились такими же блестящими и яркими, как у Джулии, лишь когда она рыдала или собиралась заплакать. Кирсти уже давно решила, что жизнь несправедлива. Но почему, когда она смирилась с горькой правдой, обстоятельства по-прежнему демонстрировали ей эту самую истину во всей красе?

Кирсти тайком наблюдала за тем, как работает Джулия, и

казалось, та была совершенно не способно на уродство или неловкость. Каждый ее жест – то, как она ребром ладони убирала волосы с глаз, как сдувала пыль с любимой чашки – пронизывала непринужденная грация. Видя ее, Кирсти понимала, почему Рори обожает жену, как верный пес, и еще больше отчаивалась.

Наконец, пришел и он сам, явился потный и щурясь на все вокруг. Вечернее солнце было ослепительно свирепым. Он улыбнулся Кирсти, продемонстрировал кривой ряд передних зубов, которые ей сначала казались такими неотразимыми.

– Рад, что ты пришла, – сказал он.

– Рада помочь... – ответила она, но Рори уже отвернулся, смотря на Джулию.

– Как дела?

– Я скоро с ума сойду, – ответила та.

– Ну, теперь ты можешь отдохнуть от своих трудов. В этот раз мы привезли кровать, – он заговорщицки подмигнул Джулии, но она не ответила.

– Я могу помочь с разгрузкой? – предложила Кирсти.

– Льютон и Б. М. все сделают, – ответил Рори.

– О.

– Но я бы руку и ногу отдал за чашку чаю.

– Мы еще не нашли чай, – отозвалась Джулия.

– Ох, тогда может, кофе?

– Хорошо, – сказала Кирсти. – А двум другим?

– Они сейчас человека убьют за горячую чашку кофе.

Кирсти снова отправилась на кухню, наполнила маленькую кастрюльку чуть ли не до краев и поставила на огонь. В вестибюле было слышно, как Рори командует разгрузкой.

Это была кровать, кровать для новобрачных. Хотя Кирсти изо всех сил старалась не думать о том, как Рори обнимает Джулию, но все-таки не смогла. И пока она смотрела на воду, как та медленно закипает, парит и наконец бурлит, одни и те же картины чужого наслаждения возвращались к ней вновь и вновь.

3

Когда вся троица уехала за четвертой и последней партией, Джулия окончательно вышла из себя. Распаковка обернулась катастрофой, так она сказала; все было разложено по коробкам совершенно не в том порядке. Ей приходилось раскапывать бесполезное барахло, чтобы добыть предметы первой необходимости.

Кирсти не встревала, не выходила из кухни и молча мыла грязные чашки.

Ругаясь все громче, Джулия оставила царящий вокруг хаос и вышла покурить на крыльцо. Она прислонилась к открытой двери и вдохнула позолоченный пылью воздух. Хотя было только двадцать первое августа, все вокруг уже пропитывал легкий аромат дыма, предвещающий осень.

Джулия не заметила, как пролетел день; пока она стояла, начал бить колокол к вечерне: звон вздымался и опадал ленивыми волнами. Обнадеживал. От него Джулия задумалась о детстве, хотя – и это она помнила – не о каком-то особенном дне или месте. Просто о молодости, о тайне.

Прошло уже четыре года с тех пор, как она последний раз переступила порог церкви; четыре года с момента, как обручилась с Рори. Мысль о том дне – а скорее, об обещании, который он так и не выполнил – испортила момент. Джулия ушла с крыльца, отвернувшись от колокольного звона, уже разошедшегося вовсю, и вернулась обратно. После того как солнце коснулось ее поднятого вверх лица, дом казался мрачным и темным. Неожиданно Джулия почувствовала себя настолько усталой, что чуть не разрыдалась.

Им придется собрать кровать, прежде чем лечь спать, а еще решить, какая комната станет главной спальней. Она решила заняться этим прямо сейчас, к тому же так не придется возвращаться в гостиную, к вечно скорбной Кирсти.

Колокол все еще звенел, когда Джулия открыла дверь в гостиную на втором этаже. Это была самая большая из трех верхних комнат – естественный выбор – но солнце сегодня так сюда и не добралось (впрочем, не только сегодня, но и в любой другой день лета), так как окно плотно закрывали жалюзи. Здесь было куда холоднее, чем в остальном доме; воздух – затхлый. Джулия пересекла испятнанные половицы, решив открыть окно.

У подоконника выяснилось нечто странное. Жалюзи были плотно прибиты к раме, полностью блокируя малейшее вторжение жизни с освещенной солнцем улицы снаружи. Она попыталась оторвать их, но не смогла. Кто бы этим ни занимался, свою работу он сделал на совесть.

Неважно; когда Рори вернется, она отправит его сюда с гвоздодером. Джулия отвернулась от окна, и тут неожиданно, помимо воли поняла, что колокол все еще призывает прихожан. Они что, сегодня не идут? Неужто на крючке недостаточно наживки с обещаниями рая? Мысль была еле живой; умерла за секунды. Но звон все не умолкал, эхо от него раскатывалось по комнате. Ноги Джулии и так болели от усталости, а с каждым ударом слабели все больше. Голова невыносимо пульсировала.

Эта комната отвратительна, так решила Джулия; затхлая, с липкими и влажными на ощупь стенами. Несмотря на размер, Джулия не позволит Рори устроить тут хозяйскую спальню. Пусть эта рухлядь гниет.

Джулия уже направилась к выходу, но когда до свободы было рукой подать, в углах комнаты что-то треснуло, и дверь с шумом захлопнулась. Нервы у Джулии задрезжали. Она почувствовала, что сейчас расплачется.

Но вместе этого просто сказала «Пошел ты к черту» и схватилась за ручку. Та легко повернулась (а как иначе? Но Джулия все равно почувствовала облегчение), и дверь распахнулась. Из гостиной внизу – всплеск тепла и охряной

цвет.

Джулия закрыла дверь за собой и с каким-то странным удовлетворением, причину которого не могла или не хотела понять, повернула ключ в замке.

И как только сделала это, колокол замолк.

4

– Но это же самая большая комната...

– Мне она не нравится, Рори. Там сыро. Мы можем воспользоваться дальней.

– Если протащим через дверь эту чертову кровать.

– Конечно, протащим. Я уверена.

– По мне так это пустая трата пространства, – начал протестовать он, прекрасно зная, что все уже решено.

– Мамочка лучше знает, – ответила она и улыбнулась ему одними глазами, чей блеск был далек от материнского.

Три

1

Времена года желают друг друга, как женщины и мужчины, для того чтобы излечиться от собственных крайностей.

Весна, если она затягивается хотя бы на неделю дольше положенного срока, начинает алкать лета, чтобы положить конец постоянным обещаниям. Лето же, в свою очередь, жаждет чего-то, что могло бы унять его зной, а самая мягкая осень в конце концов устает от нежности и вожделеет быстрого и жесткого мороза, на корню убивающего ее плодovitость.

Даже зима – самая упрямая, самая неумолимая – мечтает, по мере того как все ближе надвигается февраль, о пламени, что вскоре растопит ее. Со временем все устают и принимают искать противоположность, дабы спастись от самих себя.

И потому август сменился сентябрем, и никто на это не жаловался.

От работы дом на Лодовико-стрит начал выглядеть гостеприимнее. Несколько соседей даже зашли с визитом, и, оценив новую пару, откровенно признались в том, как они счастливы, что номер пятьдесят пять снова занят. Один из них даже вскользь упомянул о Фрэнке, заметив, что какой-то странный парень жил здесь несколько недель прошлым летом. Последовала секунда замешательства, когда Рори сообщил, что таинственный житель был его родным братом, но вскоре все забылось, ибо сила очарования Джулии не знала границ.

Во время их брака Рори редко говорил о Фрэнке, хотя между ними было всего восемнадцать месяцев разницы, а детьми они казались и вовсе неразлучны. Об этом Джулия узнала случайно, во время пьяных воспоминаний – за месяц или два до свадьбы – когда Рори вдруг разговорился о брате. Монолог получился довольно меланхоличным. Пути Коттонов серьезно разошлись уже в подростковом возрасте, и Рори до сих пор об этом жалел. А еще больше жалел о той боли, которую безумная жизнь Фрэнка принесла родителям. Казалось, когда брат в кои-то веки появлялся из какого-нибудь уголка на земном шаре, который в тот момент опустошал, он приносил с собой лишь несчастье. Его рассказы о приключениях в мелководе преступного мира, постоянные

упоминания шлюх и мелких краж — все это приводило родителей в ужас. Но было и нечто похуже, по крайней мере, так говорил Рори. В минуты откровенности Фрэнк говорил о жизни, прожитой в бреду, о желании опыта, не подвластного моральным императивам.

Неужели сам тон Рори, смесь отвращения и зависти, так подогрел интерес Джулии? Неважно, по какой причине, но ее быстро охватило неутолимое любопытство, она хотела встретить этого безумца.

А потом, буквально за две недели до свадьбы, паршивая овца появилась во плоти. Последнее время дела у него шли в гору. Он носил золотые кольца на пальцах, был весь загорелым, подтянутым и ничем не походил на чудовище, которое описывал Рори. Братец Фрэнк был гладким, как отполированный камень. Она поддалась его чарам за несколько часов.

Наступило странное время. Дни ползли к свадьбе, а Джулия неожиданно поняла, что все меньше и меньше думает о будущем муже, но все больше и больше о его брате. Кое-чем они же все же походили друг на друга; некий оттенок в голосе, непринужденность явно говорили о том, что они родственники. Но к качествам Рори Фрэнк привносил нечто, чем его брат никогда не мог похвастаться: прекрасное безрассудство.

Возможно, все последующее было неизбежным; как бы Джулия не боролась со своими инстинктами, она лишь откладывала неизбежное завершение. По крайней мере, так

она позже пыталась перед собой оправдаться. Но когда с самобичеванием было покончено, она все равно дорожила воспоминанием об их первой – и последней – встрече.

Кажется, когда приехал Фрэнк, еще и Кирсти зашла по какому-то брачному делу. Но благодаря телепатии, что приходит с желанием (и вместе с ним исчезает) Джулия знала, что сегодня именно тот день. Она оставила Кирсти составлять списки или что-то вроде того, а сама увела Фрэнка наверх, сказав, что хочет показать ему свадебное платье. Так она все помнила: что попросила его посмотреть платье и надела фату, смеясь при мысли о себе в белом, а потом он появился рядом, приподнял вуаль, а она опять засмеялась, все смеялась и смеялась, словно проверяя решительность его намерений. Фрэнка ее веселье не охладило; и времени на тонкости соблазнения он тоже не тратил. Изящное обличие почти сразу уступило перед грубой сутью. Секс, если не считать согласия Джулии, по агрессивности и безрадостности напоминал изнасилование.

Разумеется, память приукрасила воспоминания, и в течение четырех лет (и пяти месяцев) Джулия часто проигрывала в воображении ту сцену. Сейчас ей казалось, что синяки были плодом страсти, а слезы – лишь доказательством ее чувств к Фрэнку.

На следующий день он исчез. Сбежал в Бангкок или на остров Пасхи, куда-то, где был никому не должен. Она скорбела по нему и ничего не могла с собой поделать. И ее скорбь

не прошла незамеченной. Пусть они никогда специально об этом не говорили, но Джулия часто думала, не начался ли развал их отношений с Рори с того самого дня; с тех пор она постоянно думала о Фрэнке, когда занималась любовью с его братом.

А теперь? Сейчас, несмотря на смену домашней обстановки и шанс на новое начало вместе, казалось, все обстоятельства сговорились, чтобы напоминать ей о Фрэнке.

Не только соседские сплетни воскресили память о нем. Однажды, когда Джулия была дома одна и распаковывала личные вещи, она наткнулась на несколько папок с фотографиями Рори. Там было много недавних, с их отдыха в Афинах и на Мальте. Но среди бесцветных улыбок были похоронены снимки, которые она никогда не видела (неужели Рори скрывал их?): семейные портреты, сделанные десятилетия назад. Фотография его родителей в день их свадьбы, черно-белое изображение, которое с годами выцвело до серого. Крещения, где гордые крестные баюкали детей, завернутых в фамильные кружева.

А потом совместные фотографии братьев; младенцы с широко раскрытыми глазами; насупленные школьники на гимнастических соревнованиях и на школьных торжествах. Потом, когда прыщавая подростковая застенчивость взяла верх, количество снимков уменьшилось – пока лягушки не превратились в принцев, перейдя на другую сторону пубертата.

Когда она увидела, как Фрэнк во всей своей красе кривляется на камеру, то невольно зарделась. В юности, как и ожидалось, он любил выставлять себя напоказ и всегда одевался по последней моде. Рори же по сравнению с ним выглядел неряшливо. Казалось, вся последующая жизнь братьев была набросана на этих ранних портретах. Фрэнк – улыбающийся соблазнительный хамелеон; Рори – надежный гражданин.

Когда Джулия наконец убрала фотографии, то поняла, что не только раскраснелась, но и расплакалась. Не из-за сожаления. Она не видела в нем толку. Нет, глаза кололо от ярости. Каким-то образом буквально между двумя вдохами она потеряла себя.

И совершенно точно знала, когда ее хватка ослабла. Когда она лежала на кровати, покрытой свадебными кружевами, а Фрэнк усыпал ее шею поцелуями.

3

Время от времени Джулия поднималась в комнату с прибитыми к раме жалюзи.

Пока Джулия и Рори не добрались до второго этажа, решив сначала прибраться в тех помещениях, что были на виду. А потому комната осталась практически нетронутой. Закрытой, если не считать редких визитов Джулии.

Она не совсем понимала, зачем туда поднимается или что делать со странными чувствами, которые охватывали ее там.

Но что-то давало ей спокойствие в этой тьме; та походила на чрево, чрево мертвой женщины. Иногда, когда Рори отправлялся на работу, Джулия входила в комнату и просто сидела в полной тишине и неподвижности, не о чем ни думая; по крайней мере не о чем, что могла бы облечь в слова.

От этих визитов ее охватывало странное чувство вины, она старалась держаться от комнаты подальше, когда Рори был дома. Но это не всегда получалось. Иногда ноги несли ее туда помимо воли.

Так случилось и в ту субботу, в день крови.

Джулия наблюдала за тем, как Рори чистит кухонную дверь, стамеской снимая несколько слоев краски вокруг петель, когда неожиданно почувствовала призыв комнаты. Довольная тем, что Рори занят как никогда, она пошла наверх.

Там было прохладнее, чем обычно, чему Джулия только обрадовалась. Прикоснулась рукой к стене, а потом приложила холодную ладонь ко лбу.

– Бесполезно, – пробормотала она про себя, воображая мужчину за работой внизу. Она не любила его; и он сам не любил ее, если не считать безрассудной страсти, которая охватывала Рори, когда он видел красивое лицо Джулии. Он окаменел в своем собственном мире; а она страдала здесь, вдалеке от мужа.

Порыв ветра ударил в заднюю дверь на первом этаже. Джулия услышала, как та с шумом захлопнулась.

От грохота Рори отвлекся. Лезвие соскользнуло и глубоко

вонзилось ему в большой палец на левой руке. Он вскрикнул, когда обильно потекла кровь. Стамеска упала на пол.

– Проклятье!!!

Джулия услышала крик, но ничего не сделала. Вынырнув на поверхность из меланхолического оцепенения, она слишком поздно поняла, что Рори уже поднимается по лестнице. Нашаривая ключ, пытаясь найти предлог, который бы оправдывал ее присутствие в комнате, она встала, но он уже подошел к двери, пересек порог и ринулся к ней, неуклюже зажимая левую руку правой. Кровь шла ручьем. Она скапливалась у него между пальцами, текла по предплечью, пятная голые доски внизу.

– Ты что наделал? – спросила она его.

– А на что это похоже? – ответил Рори, скрипя зубами. – Порезался.

Его лицо и шея стали цвета оконной замазки. Джулия уже видела такое: как-то Рори упал в обморок при виде собственной крови.

– Сделай что-нибудь, – слабо промямлил он.

– Порез глубокий?

– Я не знаю! – заорал Рори. – И смотреть не хочу.

Он так нелеп, подумала Джулия, но сейчас не время давать волю презрению, которое она чувствовала. Вместо этого она взяла его израненную руку в свою и, когда он отвернулся, убрала ладонь с пореза. Тот оказался внушительным и все еще обильно кровоточил. Кровь шла темная, глубинная.

– Похоже, лучше отвезти тебя в больницу, – сказала Джулия.

– Ты можешь прикрыть рану? – спросил он, в его голосе уже не слышалось гнева.

– Да, надо достать чистый бинт. Пошли...

– Нет, – он покачал головой, лицо у него уже было пепельного цвета. – Если я сделаю хоть шаг, то в обморок упаду.

– Тогда оставайся здесь, – успокоила мужа Джулия. – С тобой ничего не случится.

Не найдя в ванной бинтов, способных остановить кровотечение, она нашла пару чистых платков в ящике Рори и пошла обратно в комнату. Он уже прислонился к стене, его кожа блестела от пота. Рори весь перемазался в собственной крови; ее острый аромат висел в воздухе.

По-прежнему тихо убеждая мужа, что он не умрет от пятисантиметрового пореза, Джулия обернула платок вокруг его руки, перевязала вторым, а потом сопровождала Рори, дрожащего, как осиновый лист, вниз по лестнице (ступенька за ступенькой, как ребенка) и к машине.

В госпитале они час прождали в очереди, прежде чем Рори осмотрели и зашили. Оглядываясь назад, Джулия с трудом могла понять, что было комичнее: его слабость или чрезмерность последующей признательности. Когда от него уже начало тошнить, она сказала, что ей не нужно благодарностей, и это было правдой.

Она не хотела ничего, чтобы он мог ей предложить, за ис-

ключением, возможно, его отсутствия.

4

– Это ты вымыл пол в сырой комнате? – спросила она Рори на следующий день. Они называли то помещение «сырой комнатой» с самого первого воскресенья, хотя не нашли и следа гнили от потолка до плинтуса.

Рори оторвался от журнала. Серые мешки набрякли у него под глазами. По его словам, он плохо спал. Порезанный палец и кошмары о смерти. Она же, с другой стороны, спала как ребенок.

– Что ты сказала? – спросил он.

– Пол... На полу была кровь. Ты ее вымыл.

Он покачал головой, спокойно ответив:

– Нет, – и вернулся к журналу.

– Ну, я тоже ничего не убирала.

Рори самодовольно улыбнулся:

– Ты – идеальная домохозяйка. Ты даже не знаешь, когда убираешься по дому.

Так вопрос и закрылся. Рори, по-видимому, обрадовался мысли, что она тихо сходит с ума.

У Джулии же, с другой стороны, появилось странное предчувствие, что вскоре она узнает ответ.

Четыре

1

Кирсти ненавидела вечеринки. Вечно приходилось лепить улыбку поверх паники; толковать чьи-то взгляды; и самое худшее, разговаривать. Она не могла сказать миру ничего интересного, в этом Кирсти уже давно убедилась. Уж слишком много видела остекленевших глаз и самых нелепых средств, известных человечеству, чтобы выбраться из скучной компании, от фраз вроде «Извините, мне надо повидаться с бухгалтером» до того, что один мужчина слишком много выпил и потерял сознание, рухнув ей под ноги.

Но Рори настоял, чтобы она пришла на новоселье. Всего несколько самых близких друзей, так он обещал. Кирсти сказала «да», прекрасно понимая, какой сценарий ее ждет, если она откажется. Останется киснуть дома, варится в самобичевании, проклинать собственную трусость и думать о милом лице Рори.

Впрочем, вечер оказался не такой уж мукой. Пришло девять гостей, всех она, пусть и отдаленно, знала, потому все пошло проще. Они не ждали, что она станет звездой вечеринки, а потому ей надо было лишь кивать и смеяться, когда нужно. А Рори – со все еще забинтованной рукой – был

в ударе и кипел от простодушного дружелюбия. Она даже задумалась, не строит ли Нэвилл – один из коллег Рори по работе – ей глазки из-за очков, и позже это подозрение подтвердилось, когда в разгар вечера он подрулил к ней и поинтересовался, интересуется ли она разведением кошек. Кирсти сказала, что нет, но она не против нового опыта. Он, кажется, обрадовался, и под таким слабым предлогом всю ночь поил ее коктейлями. Уже к половине двенадцатого она опьянела, но чувствовала себя превосходно, срываясь на хихиканье от самых обычных замечаний.

Почти сразу после полуночи Джулия объявила, что устала и хочет спать. Все сразу решили, что пора закругляться, но Рори посчитал иначе. Он тут же принялся наполнять бокалы, прежде чем кто-то успел возразить. Кирсти была уверена, что по лицу Джулии пробежала гримаса неудовольствия, но она быстро исчезла, и ее лоб вновь стал безупречен. Она пожелала всем спокойной ночи, в ответ получила обильные комплименты по поводу своих навыков в приготовлении телячьей печенки и отправилась спать.

Безупречно прекрасные были безупречно счастливыми, разве не так? Эта истина всегда казалась Кирсти очевидной. Сегодня, впрочем, алкоголь заставил ее задуматься, не ослепила ли ее зависть. Возможно, безупречность была лишь еще одной формой грусти.

Но голова у Кирсти кружилась, она не могла не на чем остановиться, к тому же в следующую минуту очнулся Рори

и рассказал анекдот о горилле и иезуите, от него она чуть не подавилась от смеха еще до того, как он добрался до момента с церковными свечами.

Наверху Джулия слышала новый взрыв хохота. Она, как и говорила, действительно устала, но утомила ее не готовка, а постоянные попытки заглушить презрение к треклятым дуракам, собравшимся в гостиной внизу. Когда-то она называла их друзьями, этих недоумков, с их убогими шутками и еще более убогими претензиями. Несколько часов она им подыгрывала, но теперь хватит. Теперь ей нужно найти прохладное место, темное место.

Как только она открыла дверь в сырую комнату, то сразу поняла: что-то изменилось. Свет от голой лампочки на лестничной площадке озарял половицы, на которые пролилась кровь Рори, но теперь они были девственно чистыми, будто выскобленными. А дальше комната уступила мраку. Джулия вошла внутрь, закрыла за собой дверь. Щелкнул замок.

Тьма была почти безупречной, и Джулия была ей рада. Ночью ее глаза отдыхали, словно остывая.

А потом с дальней стороны комнаты послышался звук.

Словно шорох от таракана, пробежавшего за плинтусом. Через несколько секунд он прекратился. Она задержала дыхание. Звук появился снова. Казалось, в нем появился какой-то ритм: примитивный код.

Там, внизу, гости хохотали, как безумные. Их смех привел Джулию в отчаяние. Что ей сделать, лишь бы освободиться

от такой компании?

Джулия сглотнула и заговорила с тьмой.

– Я слышу тебя, – она не совсем понимала, к кому обращается, или почему ей на ум пришли именно эти слова.

Тараканьи шорохи смолкли на мгновение, а потом начались опять, уже настойчивее. Джулия отошла от двери и пошла к источнику шума. Тот все не унимался, словно призывая ее.

Во мраке было легко ошибиться, и она добралась до стены раньше, чем ожидала. Подняв руки, принялась водить ладонями по окрашенной штукатурке. Поверхность была холодной не равномерно. Где-то посередине между дверью и окном она настолько остыла, что Джулии пришлось убрать руку. Таракан перестал скрестись.

Где-то секунду Джулия в совершенном замешательстве плыла во тьме и полной тишине. И вдруг прямо перед ней что-то сдвинулось. Игра воображения, предположила она, ибо здесь мог быть только воображаемый свет. Но уже следующее мгновение показало ей все ошибочность таких мыслей.

Светилась сама стена или точнее нечто за ней горело холодным пламенем, от которого твердый кирпич казался чем-то нематериальным. Более того, стена словно начала распадаться, целые ее части перемещались, уходили в сторону, как декорации фокусника, хорошо смазанные панели, открывающие спрятанные ящики, чьи стороны, в свою очередь, пада-

ли, обнажая тайные укрытия. Джулия не могла отвести глаз, не осмеливалась даже моргнуть, боясь, что упустит хотя бы малейшую деталь этого выдающегося трюка, пока на ее глазах мир распадался на куски.

А потом, неожиданно, где-то в этой невероятной сложной системе перемещающихся фрагментов она увидела (или, опять же, ей это лишь показалось) движение. Только сейчас Джулия поняла, что не дышит с тех самых пор, как все началось, и у нее уже начинает кружиться голова. Она попыталась выпустить из легких отработанный воздух, вдохнуть, но тело не подчинилось даже такой простейшей команде.

Где-то во внутренностях забилась паника. Представление закончилось, и теперь одна часть Джулии безмятежно радовалась музыке, доносящейся из стены, а другая сражалась со страхом, что шаг за шагом подступал к горлу.

Она снова попыталась вдохнуть, но тело словно умерло, и она смотрела из него, не в силах дышать, моргать или глотать.

Движение стены прекратилось, и за кирпичами Джулия что-то увидела, угловатое, словно тень, но явно осязаемое.

Это человек, поняла она, ну или когда-то он им был. Но тело разорвали и сшили заново, правда, большинство кусков пропало, или их искорежило, а то и обожгло до черноты, словно в топке. У него был один глаз, – тот, мерцая, смотрел на Джулию, – лестница позвонков, ободранных от мускулов, несколько совершенно неузнаваемых фрагментов анатомии.

И все. То, что это существо вообще жило, не укладывалось в разуме – остаток плоти, которым оно еще обладало, был безнадежно изуродован. И все-таки оно не умерло. И глаз, несмотря на гниль, которая его окружала, смотрел на Джулию пристально, изучая ее сверху донизу.

В его присутствии она не чувствовала страха. Пока это существо было куда слабее ее. Оно еле двигалось в своей клетке, пытаясь устроиться поудобнее. Но напрасно, создание с буквально обнаженными нервами не могло найти покоя. Любое прикосновение несло ему боль; это Джулия прекрасно понимала. И ей было жалко этого мученика. А с жалостью пришло облегчение. Ее тело исторгло мертвый воздух и вдохнуло живой. От кислорода изголодавшийся мозг повело.

И тогда существо заговорило, в освежеванном шаре чудовищной головы открылась дыра, и оттуда вырвалось одно-единственное невесомое слово.

И слово это было:

– Джулия.

2

Кирсти поставила бокал и попыталась встать.

– Куда ты? – спросил ее Нэвилл.

– А ты как думаешь? – ответила она, тщательно стараясь говорить внятно.

– Тебе помочь? – поинтересовался Рори. От алкоголя его веки обленились, а улыбка и того больше.

– Я к туалету приучена, – огрызнулась она, колкость все встретили со смехом. Кирсти обрадовалась; обычно импровизация не была ее коньком. Она, покачиваясь, отправилась к двери.

– Последняя комната справа, в конце лестничной площадки, – проинформировал ее Рори.

– Знаю, – сказала она и вышла в прихожую.

Обычно ей не нравилось чувство опьянения, но сегодня она им наслаждалась. Кирсти казалась себе гибкой и беззаботной. Может, она завтра и пожалеет об этом, но утро вечера мудренее. Сегодня же она летала.

Кирсти добралась до ванной, опорожнила уже саднящий мочевой пузырь, потом сполоснула лицо водой. И начала путешествие обратно.

Она сделала три шага по площадке, когда поняла, что, пока находилась в ванной, кто-то выключил свет и теперь стоит в паре метров от нее. Кирсти остановилась.

– Привет? – сказала она. Может, заводчик котов поднялся на второй этаж, надеясь доказать, что не кастрирован?

– Это ты? – спросила Кирсти, смутно понимая совершенную бесполезность своего вопроса.

Ответа не последовало, и она слегка занервничала.

– Ну ладно, – Кирсти решила попробовать игривый тон, стараясь спрятать тревогу, – признавайтесь, кто это?

– Я, – сказала Джулия. Голос у нее был какой-то странный. Гортанный, хриплый, словно она плакала.

– У тебя все нормально? – спросила ее Кирсти. Она вдруг очень захотела посмотреть Джулии в лицо.

– Да, – последовал ответ. – Почему должно быть иначе? За эти пять слов актриса в Джулии вновь взяла себя в руки. Голос стал звонким, тон легким.

– Я просто устала, – продолжила она. – Судя по звукам, у вас там внизу хорошо.

– Мы не даем тебе заснуть?
– Боже, нет! – какой непринужденный, свободный тон. – Я просто в ванную шла. – Пауза, а потом: – Иди вниз. Веселитесь.

Уловив намек, Кирсти пошла к Джулии. Та в самый последний момент увернулась, избегая даже малейшего физического контакта.

– Спокойной ночи, – сказала Кирсти, добравшись до лестницы.

Но ответа из тени не последовало.

3

Спокойно спать Джулия не смогла. Ни в эту ночь, ни во все последующие.

То, что она увидела в сырой комнате, то, что услышала, почувствовала – всего этого хватило, чтобы навсегда про-

гнать крепкий сон, или так Джулия полагала.

Он был тут. Все это время Фрэнк находился в доме. Сокрытый от мира, в котором жила и дышала Джулия, он все же был достаточно близко, чтобы установить с ним жалкий, хрупкий контакт. Почему так произошло, куда попал Фрэнк – об этом Джулия понятия не имела; у человеческих останков в стене не было ни сил, ни времени на объяснения того, что же с ними произошло.

Прежде чем проход закрылся, и изуродованную фигуру снова заслонили кирпичи и штукатурка, существо успело произнести имя: «Джулия». Потом – «Это Фрэнк», вот так просто, а в самом конце послышалось слово «кровь».

Затем существо исчезло, а у Джулии подкосились ноги. Она чуть не упала, отшатнувшись к противоположной стене. А к тому времени, как пришла в себя, таинственный свет погас, не осталось и следа от измученного человека в коконе из кирпичей. Хватка реальности стала абсолютной.

Впрочем, не совсем абсолютной. Фрэнк остался здесь, в сырой комнате. В этом Джулия не сомневалась. Пусть он исчез с глаз долой, но из сердца не пропал. Каким-то образом Фрэнк оказался заперт между сферой, которую занимала Джулия, и неким другим пространством: там звенели колокола, и беспокойно кружилась тьма. Он умер? Что это было? Неужели прошлым летом Фрэнк погиб в этой комнате и теперь ждал экзорцизма? Если так, что стало с его земными останками? Только дальнейший разговор с ним или с тем,

что от него осталось, мог бы дать объяснение.

Джулия не сомневалась, какими средствами придать сил этому грешнику. Он сам поведал ей о решении.

«Кровь», – так сказал Фрэнк. И это было не обвинение, а приказ.

Рори пролил кровь на пол сырой комнаты; все брызги и пятна со временем исчезли. Каким-то образом она наплатила призрак Фрэнка – если, конечно, это был именно призрак, – и тот набрался достаточно сил, чтобы воззвать из своей клетки и установить пусть ненадежный, но контакт с реальностью. Что получится, если крови будет больше?

Джулия вспомнила об объятиях Фрэнка, о его грубости, жесткости, о настойчивости, с которой он давил на нее. Чтобы она отдала, лишь бы почувствовать подобную настойчивость вновь? Вероятно, теперь ее желание стало возможным. И если так – если она сможет дать Фрэнку пищу, которая была так ему нужна – разве он не отблагодарит Джулию? Не станет домашним зверьком, смирным или жестоким по первому ее капризу? Эта мысль прогнала прочь сон. Забрала разум и печаль. Джулия поняла, что все это время любила Фрэнка и скорбела по нему. Если для его воскрешения нужна кровь, то Джулия даст ее, и не станет думать о последствиях.

В последующие дни она вновь обрела способность улыбаться. Рори решил, что она счастлива в новом доме, а улыбка – признак смены настроения. Ее благодушие и в нем воспламенило нечто похожее. Рори принялся за ремонт с новым

рвением.

Скоро, сказал он, дело дойдет и до второго этажа. Они найдут источник сырости в большой комнате и превратят ее в спальню, достойную его принцессы. При этих словах Джулия поцеловала Рори в щеку и сказала, что торопиться некуда, что комната, которую они сейчас занимают, и так вполне нормальная. Разговор о спальне сразу раззадорил его, Рори погладил ее по шее, притянул Джулию к себе и принялся шептать на ухо инфантильные непристойности. Она ему не отказала, покорно отправилась наверх, позволила себя раздевать, он это любил делать и сейчас расстегивал ее одежду испачканными краской пальцами. Она даже притворилась, что возбуждена, пусть это и было невероятно далеко от правды.

Лишь одно разжигало в ней хоть какое-то желание, когда она лежала на кровати, а туша Рори двигалась между ее раздвинутыми ногами: Джулия закрывала глаза и представляла себе Фрэнка таким, какой он был.

Не раз его имя чуть не сорвалось с ее губ; снова и снова приходилось следить за собой. Наконец, Джулия открыла глаза, вспомнив об убогой и неуклюжей реальности. Рори покрывал ее лицо поцелуями. Щеки Джулии шли мурашками от каждого прикосновения.

Она поняла, что не сможет выносить такое слишком часто. Слишком много сил уходило на исполнение роли смиренной жены; сердце могло разорваться.

И тогда, лежа рядом с Рори, чувствуя, как из открыто-

го окна до нее доносится дыхание сентября, Джулия начала планировать, как ей раздобыть кровь.

Пять

Пока Фрэнк прозябал в стене, ему иногда казалось, что прошли тысячелетия, тысячелетия, которые, как он впоследствии понимал по какому-нибудь признаку, оказывались лишь часами, а то и минутами.

Но теперь все изменилось; у него появился шанс сбежать. От одной только мысли об этом дух воспарил. Шанс был крошечным, тут Фрэнк не обманывал себя. Существовало несколько причин, из-за которых все его старания могли пойти прахом. Во-первых, Джулия. Он помнил ее: чрезмерно гордая собой посредственность, благодаря воспитанию лишенная страсти. Конечно, один раз ему удалось снять с нее поводок. Ему не раз удавалось провернуть с женщинами нечто подобное, но тот день он помнил с особым удовлетворением. Она сопротивлялась не больше, чем позволило тщеславие, а потом отдалась с таким явным рвением, что он чуть не потерял самообладание.

При других обстоятельствах он бы увел ее из-под носа будущего мужа, но братская политика диктовала иное. Через неделю или две он бы устал от нее и остался не только с женщиной, чье тело уже бы казалось ему уродливым, но и с мстительным братцем, идущим за ним по пятам. Оно того не стоило.

К тому же впереди Фрэнка ждали новые миры. Уже через

день он отправился на Восток: в Гонконг и на Шри-Ланку, навстречу богатству и приключениям. И он их получил. По крайней мере, на какое-то время. Но рано или поздно у него все ускользало из рук, и со временем он начал задумываться, что тому причиной: то ли обстоятельства, то ли Фрэнку было просто все равно и не доставало желания удержать то, что он имел. Этот ход мыслей быстро вышел из-под контроля. В руинах вокруг себя Фрэнк видел доказательства одной неприятной истины: в своей жизни он не встретил ни человека, ни состояния души или тела, которых хотел бы достаточно сильно, ради чего был бы готов потерпеть хотя бы малое неудобство.

Так жизнь Фрэнка пошла под откос. Три месяца он мучился от депрессии и жалости к себе, чуть не дошел до самоубийства. Но даже такое решение не давалось ему из-за вновь обретенного нигилизма. Если не за что жить, значит, естественно, не за что умирать. Он брел от одной тщетности к другой, пока все его мысли не сгнили в дурмане любых опиатов, которые могла позволить его распущенность.

Когда он впервые узнал о шкатулке Лемаршана? Фрэнк не мог вспомнить. Наверное, в баре или в какой-нибудь сточной канаве, из уст такого же отщепенца. Поначалу все казалось лишь слухами – эта мечта о дворце, где те, кто устал от заурядных прелестей человеческого существования, могли обрести новое определение наслаждения. Где пролегал путь к этому раю? Как сказали Фрэнку, таких дорог было несколь-

ко, маршрутов для контакта между реальностью и еще большей реальностью, и по ним уже проходили странники, чьи кости давно обратились в прах. Один такой маршрут находился в подземельях Ватикана, спрятанный в теологическом труде, не читанном со времен Реформации. Другой, в форме оригами, по преданиям хранился среди вещей маркиза де Сада, когда того заключили в Бастилию, и он передал этот секрет стражнику в обмен на бумагу, на которой в дальнейшем написал «120 дней Содома». А еще один сотворил искусный мастер – конструктор механических певчих птиц – по имени Лемаршан в форме музыкальной шкатулки столь затейливой конструкции, что человек мог играть с ней полжизни, но так и не проникнуть внутрь.

Легенды. Байки. Но так как Фрэнк уже ни во что не верил, ему было довольно просто выбросить из головы тиранию доказуемой истины. К тому же так легче проходило время, с пьяными размышлениями о пленительных фантазиях.

Это случилось в Дюссельдорфе, куда Фрэнк контрабандой ввозил героин, именно там он снова наткнулся на историю о шкатулке Лемаршана. Она вновь разбудила в нем любопытство, но в этот раз он решил пойти по следам и добрался до ее источника. Человека звали Кирхер, хотя он претендовал на еще с десятков имен. Да, немец мог подтвердить существование шкатулки, и да, он мог помочь Фрэнку найти ее. Цена? Небольшие одолжения, то тут, то там. Ничего выдающегося. Фрэнк все исполнил, умыл руки и потребовал платы.

Кирхер дал ему инструкции, как сломать печать шкатулки Лемаршана, инструкции отчасти практические, отчасти метафизические. Решение головоломки и есть путешествие, так он говорил, или вроде того. Казалось, шкатулка – это не просто карта, но сама дорога.

Новая страсть быстро излечила Фрэнка от наркотиков и выпивки. Возможно, существовали иные пути, чтобы прогнать мир под форму его грез.

Он вернулся в дом на Лодовико-стрит, пустой дом, за чьими стенами сейчас томился в заточении, и приготовился – как наставлял Кирхер – к решению Конфигурации Лемаршана. Никогда в жизни Фрэнк не был так воздержан, так сосредоточен. В дни перед штурмом головоломки он вел жизнь, которая посрамила бы и святого, направив всю свою энергию на грядущую церемонию.

Он был слишком высокомерен в своем разговоре с Орде-ном Разреза, теперь Фрэнк это понял; но в мире и вне его, повсюду существовали силы, которые только поощряли подобное высокомерие, так как пользовались им. Само по себе оно бы не погубило его. Нет, настоящей ошибкой Фрэнка была наивная вера в то, что его понимание наслаждения значительно пересекается с воззрениями сенобитов.

Как оказалось, они даровали лишь неисчислимые страдания. Сначала его чувства обострили до предела так, что Фрэнк почти сошел с ума, а потом провели сквозь такие испытания, при воспоминании о которых нервы до сих пор дрожали

в конвульсиях. Это они называли удовольствием, и вполне возможно, говорили всерьез. А может, и нет. С их разумом было невозможно понять наверняка; они были безнадежно, безупречно двусмысленны. Сенобиты не признавали никаких принципов вознаграждения и наказания, которыми бы Фрэнк мог дать себе хоть какую-то передышку от пыток, их не трогали призывы к состраданию. За те недели и месяцы, что прошли с тех пор, как Фрэнк решил головоломку Лемаршана, он перепробовал все.

По эту сторону Раскола не существовало жалости; были лишь рыдания и смех. Иногда слезы радости (из-за часа без страха, из-за передышки длиной в один вздох), смех, парадоксально вырывающийся при виде нового ужаса, сконструированного Инженером ради умножения горя.

В мучениях появилось еще больше изысканности, ибо пытки изобретал разум, разбирающийся в тонкостях страдания и его природе. Пленникам разрешили смотреть в мир, где они некогда обитали. Из тех мест, где они отдыхали, — когда не проходили испытание очередным наслаждением — можно было увидеть комнаты, в которых они раскрыли тайну Конфигурации. В случае Фрэнка это оказалась спальня на верхнем этаже дома номер пятьдесят пять по Лодовико-стрит.

Почти весь год там царил мрак: никто не заходил внутрь. А потом появились они: Рори и милая Джулия. И тогда вновь ожила надежда...

Есть способ сбежать, шептала она; лазейки в системе, которые позволят достаточно гибкому и коварному разуму проникнуть туда, откуда он пришел. И если пленник устроит побег, иерофанты просто не смогут последовать за ним. Их надо было призвать через Раскол. Без приглашения они больше походили на псов у дверей, скреблись, скреблись, но внутрь зайти не могли. А потому, если бы заключенный выбрался из своей клетки, его свобода стала бы окончательной и безусловной, он бы расторг брак, который по ошибке заключил. Риск того стоил. Да и не было никакого риска. Какое наказание могло оказаться хуже мысли о боли без надежды на освобождение?

Фрэнку повезло. Некоторые пленники ушли из мира, не оставив после себя материала, из которого, при соответствующем стечении обстоятельств, могли бы возродиться их тела. Но не Фрэнк. Если не считать криков, то последним его действием на Земле была эякуляция. Мертвая сперма на полу стала пусть жалким, но достаточным средоточием его сути. Когда любезный братец Рори (милый недотепистый Рори) не удержал долото, от его боли выиграло нечто, оставшееся от Фрэнка. Он зацепился за мир одним пальцем и мельком увидел ту силу, которая позволила бы ему вновь обрести безопасность. Теперь все зависело от Джулии.

Иногда, страдая в стене, он думал, что женщина из страха покинет его. Или найдет видению рациональное объяснение, решит, что ей все приснилось. Тогда ему конец. У Фрэнка

не было сил явиться ей вновь.

Но он заметил признаки, дававшие надежду. Например, два или три раза она возвращалась в комнату и просто стояла в темноте, смотря на стену. Во второй даже что-то пробормотала, хотя до него долетели лишь обрывки слов. Среди них было «здесь». А еще «жди» и «скоро». Достаточно, чтобы не отчаиваться.

Был и еще один повод для оптимизма. Джулия была потеряна, разве нет? Он все видел по ее лицу, когда – за день до того, как Рори порезался, – она вместе с его братом зашла в комнату. Он заметил ее взгляд, момент, когда выдержка дала трещину, а печаль и разочарование, которые она чувствовала, стали явными.

Да, она была потеряна. Замужем за человеком, которого не любила, не способная отыскать путь на свободу.

Но вот же он, прямо здесь. Они могли спасти друг друга, как и должны, если верить поэтам, любовники, созданные друг для друга. Фрэнк был тайной, тьмой, он был всем, о чем она только мечтала. И если только Джулия освободит его, Фрэнк станет служить ей – о да! – пока ее наслаждение не достигнет предела, который, как и все пределы, был местом, где сильные становятся сильнее, а слабые гибнут.

Там наслаждение было болью и наоборот. И Фрэнк прекрасно это знал, чувствуя себя в таком состоянии как дома.

Шесть

На третьей недели сентября похолодало: арктические заморозки принесли с собой жадный ветер, который за несколько дней ободрал все листья с деревьев.

Перемена погоды потребовала перемены одежды и планов. Вместо прогулки Джулия поехала на машине. В середине дня она отправилась в центр города и нашла там бар, где в обеденное время было оживленно, но не шумно.

Посетители приходили и уходили: бунтари из юридических и бухгалтерских контор, говорящие только о своих амбициях; любители вина, чью трезвость гарантировали только дорогие костюмы, и, что куда интереснее, одиночки, которые сидели сами по себе и просто пили. Джулия уже собрала неплохой урожай восхищенных взглядов, но в основном от бунтарей. Ей пришлось просидеть здесь почти час, рабы зарплат снова отправились на галеры, когда она заметила, как кто-то наблюдает за ее отражением в зеркале над стойкой. Незнакомец следующие десять минут не сводил с нее глаз. Джулия пила, тщательно скрывала любые признаки волнения. А потом, без всякого предупреждения он встал и подошел к ней.

– Пьете в одиночку?

Ей хотелось сбежать. Сердце стучало так сильно, что Джулия была уверена: он все услышит. Но нет. Он спросил, не

хочет ли она еще выпить; она ответила, что не против. Мужчина явно обрадовался и отправился к стойке, заказал два бокала и вернулся к ней. Он был чересчур румян и на размер больше своего темно-синего костюма. Волнение выдавали только его глаза, они лишь на секунду останавливались на Джулии, а потом принимались метаться потревоженной рыбой.

Серьезных разговоров не будет: это Джулия уже решила. Она не хотела ничего о нем знать. Разве только имя. Профессию и семейный статус, если он будет настаивать. А в остальном он останется лишь телом.

Оказалось, неожиданная исповедь ей не грозит. Джулия в жизни попадались булжники поразговорчивее. Мужчина лишь улыбался время от времени – отрывистой, нервной улыбкой, показывающей слишком ровные зубы, – и предлагал больше выпить. Она ответила «нет», желая закончить охоту как можно скорее, и вместо этого спросила, не хочет ли он кофе. Незнакомец ответил «да».

– Дом в паре минут отсюда, – сказала Джулия, и они отправились к ее машине. Пока ехали, она думала – мясо сидело рядом – почему все так просто. Может, этот мужчина был прирожденной жертвой – с его беспомощными глазами и искусственными зубами – и сам знал об этом, отправляясь к ней? Да, наверное, так и было. Она не боялась, так как все шло совершенно предсказуемо...

Когда Джулия повернула ключ во входной двери и вошла в

дом, ей показалось, что она услышала шум на кухне. Неужели Рори вернулся пораньше, может, заболел? Она окрикнула его. Ответа не последовало; дом был пуст. Почти.

С самого порога она все тщательно спланировала. Закрывает дверь. Мужчина в синем костюме изучал свои наманикюренные ногти и ждал отмашки.

– Иногда мне становится одиноко, – сказала ему Джулия, проходя мимо. Эту фразу она придумала, лежа в кровати прошлой ночью.

Он лишь кивнул в ответ, на его лице отражалась смесь страха и недоверия: явно все еще не мог поверить в свою удачу.

– Не хочешь еще выпить? – спросила она. – Или сразу пойдем наверх?

Он лишь снова кивнул.

– Так что?

– Думаю, я уже достаточно выпил.

– Тогда наверх.

Он нерешительно двинулся в ее сторону, словно намеревался поцеловать. Но Джулии не хотелось ухаживаний. Увернувшись от прикосновений, она подошла к подножию лестницы и сказала:

– Я поведу.

Он покорно последовал за ней.

Наверху она обернулась, и заметила, как мужчина платком вытирает пот с подбородка. Джулия подождала, пока он

поравняется с ней, а потом повела его в сырую комнату.

Дверь туда была приоткрыта.

– Заходи, – сказала Джулия.

Он повиновался. Не сразу привык к сумраку, долго молчал, а потом прокомментировал:

– Здесь нет кровати.

Джулия включила свет и закрыла дверь. На нее она повесила старый пиджак Рори. В его кармане заранее спрятала нож.

Мужчина повторил:

– Здесь нет кровати.

– А что не так с полом? – ответила она.

– С полом?

– Снимай пиджак. Ты вспотел.

– Это да, – согласился он, но ничего не сделал, потому Джулия подошла и принялась развязывать ему узел галстука. Он походил на дрожащего несчастного агнца. Несчастного, не способного даже блять. Когда она сняла с него галстук, мужчина принялся расстегивать пиджак.

«Интересно, а Фрэнк сейчас за нами наблюдает?» – подумала она. Ее глаза на мгновение уставились в стену. Он видит. Он знает. Он облизывает губы и чувствует, как подступает нетерпение.

Агнец заговорил:

– А почему ты... почему ты... не сделаешь то же самое?

– Хочешь увидеть меня голой? – подразнила его она. От

этих слов его глаза заблестели.

– Да, – хрипло сказал он. – Да. Мне бы этого хотелось.

– Сильно?

– Сильно.

Мужчина принялся расстегивать рубашку.

– Может, и увидишь.

Он снова одарил ее своей недоразвитой улыбкой и решил-ся на вопрос:

– Это игра?

– Если ты так хочешь, – сказала она и помогла ему снять рубашку. Тело у агнца оказалось бледным и восковым, словно мякоть гриба. Грудь – полной, живот тоже. Джулия положила ему руки на лицо. Он поцеловал ее пальцы.

– Ты прекрасна, – он плевался словами, словно они досаждали ему часами.

– Разве?

– Ты и так об этом знаешь. Красивая. Ты – самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

– Какой ты галантный, – сказала она и отвернулась к двери. Сзади слышался звон от пряжки и шорох штанов, скользящих по коже.

До сих пор и не больше, подумала она. Джулия не имела ни малейшего желания видеть его голым. Хватало и того, что он уже был тут...

Она залезла в карман пиджака.

– О боже, – неожиданно протянул агнец.

Она отпустила рукоятку ножа и повернулась:

– Что случилось?

Если бы кольцо на пальце уже не выдало его с головой, она бы поняла, что он женат по трусам: мешковатое и выцветшее от многократных стирок, это неприглядное нижнее белье явно покупала жена, которая давно перестала думать о муже в сексуальном смысле.

– Кажется, мне надо опустошить мочевой пузырь, – витиевато заявил он. – Слишком много виски.

Джулия еле заметно пожала плечами и снова повернулась к двери.

– И секунды не пройдет, – заявил он. Но не успели эти слова вырваться на волю, как она уже опустила руку в карман пиджака, и когда мужчина направился к двери, повернулась к нему, держа в руке мясницкий тесак.

Он шел слишком быстро, до самого конца ничего не замечал, и даже тогда на его лица отразилось изумление, а не страх. Но оно продержалось недолго. Уже через секунду в его тело вонзился нож, взрезав живот, рассекая плоть, как перезревший сыр. Джулия нанесла один удар, потом другой.

Стоило пролиться крови, комната замерцала, а кирпичи и кладка задрожали, когда на них полетели брызги, в этом Джулия была уверена.

Но у нее был лишь вдох, не больше, чтобы полюбоваться всем вокруг, прежде чем агнец хрипло выругался и – вместо того, чтобы увернуться от ножа, как она думала, – пошел

прямо на Джулию и выбил оружие из ее руки. Оно зазвенело, упав на пол, и столкнулось с плинтусом. А потом мужчина накинудся на Джулию.

Схватил ее волосы и рванул вниз. Кажется, даже не хотел ее бить, а просто сбежать, так как сразу отпустил руку, как только оттащил Джулию от двери. Она упала, ударившись о стену, а он свободной рукой принялся сражаться с дверной ручкой, другой зажимая раны.

Теперь Джулия действовала быстро. Перекатилась, схватила нож, встала и ринулась к жертве – все одним плавным движением. Он уже приоткрыл дверь, но не успел. Джулия вонзила лезвие прямо в середину испещренной пятнами спины. Мужчина завопил, выпустил ручку. Джулия уже вытащила нож и нанесла второй удар, а потом третий и четвертый. Она сбилась со счета, ее охватила ненависть из-за того, что агнец отказался просто лечь и сдохнуть. Он, шатаясь, брел по комнате, кричал, умолял, а кровь лилась по его ягодицам и ногам. Казалось, этот фарс продлится вечность, но в конце концов жертва рухнула на пол.

В этот раз Джулия знала, что чувства ее не обманывают. Комната, или дух, заключенный в стенах, вздохнули от предвкушения.

Где-то зазвонил колокол...

Почти невольно Джулия заметила, что мужчина не дышит. Она прошла по заляпанному красным полу туда, где лежало тело, и спросила:

– Достаточно?

А потом отправилась умыть лицо.

Когда она спустилась, то слышала, как комната застонала – другого слова было не подобрать. Джулия замерла, борясь с искушением вернуться. Но на руках засыхала кровь, и от липкости Джулию уже тошнило.

В ванной она содрала с себя блузку с цветочным принтом, вымыла сначала руки, потом забрызганные кровью предплечья и наконец шею. Вода одновременно остудила и взбодрила. От нее было хорошо. Закончив с этим, она очистила нож, прополоскала раковину и вернулась к лестнице, даже не подумав высушиться или одеться.

Но ей было не нужно ни то, ни другое. В комнате наверху было как в топке, словно энергия мертвеца толчками выливалась из тела. Но далеко не уходила. Кровь уже ползла по полу к стене, где находился Фрэнк, капли, казалось, закипают и испаряются, стоит им приблизиться к плинтусу. Джулия смотрела на них, замороженная. Вдобавок что-то происходило с самим трупом. Из него высасывали все ценное, оно билось в конвульсиях, внутренности лезли наружу, газы стонали в кишках и глотке, а кожа обезвоживалась. Джулия увидела, как изо рта у мертвеца выпала коронка, так как вокруг нее иссохли десны.

И буквально за несколько минут все было кончено. Все, что тело могло предложить полезного, у него взяли; в оставшейся оболочке даже семейство мух не смогло бы найти про-

питания. Джулия была поражена.

Вдруг замигал свет. Она посмотрела на стену, ожидая, что та сейчас выплюнет наружу ее любовника. Но нет. Лампочка просто перегорела. Остался лишь мутный полумрак, которые развеивали лучи, пробивавшиеся сквозь побитые временем жалюзи.

– Где ты? – спросила она.

Стены хранили молчание.

– *Где ты?*

По-прежнему ничего. Комната остывала. Джулия почувствовала, как на груди проступает гусиная кожа. Посмотрела на светящиеся часы, мерцавшие на иссохшей руке. Они по-прежнему шли, совершенно равнодушные к апокалипсису, который постиг их хозяина. 4:41. Рори вернется в 5:15, если не попадет в пробку. Предстояло много работы.

Скомкав синий костюм и оставшуюся одежду мужчины, Джулия рассовала ее по пластиковым пакетам, затем отправилась искать что-нибудь побольше для останков. Она ожидала, что покажется Фрэнк и поможет ей из благодарности, но все пришлось делать самой. Когда она вернулась в комнату, распад агнца продолжался, хотя гораздо медленнее. Похоже, Фрэнк выжимал из трупа последние капли, хотя в этом она сомневалась. Скорее, высосанное досуха тело, лишенное костного мозга и всех жидкостей, уже не могло поддерживать форму. Когда Джулия упаковала его в пакет, оно весила, как маленький ребенок, не больше. Завязывая тесемки,

она уже хотела вынести все следы к машине, когда услышала, как открывается дверь в дом.

Паника, которую Джулия усердно держала поодаль, хлынула потоком. Джулию начало трясти. Пазухи защипало от слез.

– Не сейчас, – сказала она себе, но чувства просто отказались повиноваться ей.

В прихожей внизу послышался голос Рори:

– Милая?

Милая! Она бы засмеялась, если бы не ужас. Если он так хотел найти ее, то вот она – его милая, его дорогуша – с вымытой грудью и мертвецом на руках.

– Ты где?

Она засомневалась, не сразу ответила, думая, не выдаст ли ее гортань.

Он крикнул в третий раз, голос сменил тембр, так как Рори прошел в кухню. Через секунду он поймет, что жена не у плиты, не готовит соус; тогда он вернется и поднимется наверх. У нее осталось секунд десять, максимум пятнадцать.

Стараясь как можно меньше шуметь из страха, что он услышит, Джулия перенесла пакеты в свободную комнату на краю площадки. Слишком маленькая для спальни (разве что детской), они использовали ее под мусорку. Полупустые ящики, мебель, которой не нашли применения, всякий хлам. Сюда она на время перенесла труп, поставив пакеты за перевернутым креслом. Потом заперла за собой дверь, когда

снизу лестницы раздался голос Рори. Он уже поднимался.

– Джулия? Джулия, милая, ты здесь?

Она проскользнула в ванную и посмотрела в зеркало, на свое покрасневшее отражение. Она подобрала блузку, свисавшую с края ванной, и надела ее. Пахла та затхло, и среди цветов несомненно зияли пятна крови, но больше Джулии было нечего надеть.

Рори уже поднялся на площадку; она слышала его слоновий топот.

– Джулия?

В этот раз она ответила – даже не пытаясь скрыть дрожь в голосе. Зеркало подтвердило все ее страхи; никаким образом она не смогла бы сейчас изобразить спокойствие. Ей было необходимо выдать проблему за добродетель.

– У тебя все хорошо? – спросил Рори, уже стоя за дверью.

– Нет. Меня тошнит.

– Боже, дорогая...

– Выйду через минуту.

Он дернул за ручку, но она заперла дверь.

– Можешь пока оставить меня одну ненадолго?

– Вызвать врача?

– Нет. Нет, серьезно. Но от бренди я бы не отказалась...

– Бренди...

– Буду через две секунды.

– Желание леди – закон, – съязвил он. Она считала шаги, пока он шел по ступеням, потом отправился дальше. Когда

поняла, что Рори уже ничего не услышит, Джулия отодвинула засов и вышла на площадку.

Свет позднего вечера быстро угасал; верхний этаж напоминал темный туннель.

Снизу послышался звон стекла о стекло. Она, двигаясь настолько быстро, насколько хватало храбрости, отправилась в комнату Фрэнка.

Из мрака не доносилось ни шороха. Стена больше не дрожала, не звонили далекие колокола. Джулия распахнула дверь; та еле заметно скрипнула.

После своих трудов Джулия прибрала не все. На полу лежала пыль, человеческая пыль, и кусочки высохшей плоти. Джулия встала на колени и принялась старательно их собирать. Рори был прав. Какая же прекрасная домохозяйка из нее вышла!

Когда она встала, что-то дернулось в сгущающихся тенях. Джулия посмотрела туда, но прежде чем глаза смогли распознать форму в углу, раздался голос:

– Не смотри на меня.

Он был усталым – такой голос бывает у человека измотанного и выдохшегося – но вполне материальным. Звуковые волны от него расходились по тому же воздуху, которым дышала Джулия.

– Фрэнк.

– Да. Это я.

Снизу послышался вопрос Рори:

– Тебе уже лучше?

Она подошла к двери:

– Гораздо лучше.

За спиной притаившееся в тени существо неожиданно быстро и яростно произнесло:

– Не подпускай его ко мне.

– Все будет хорошо, – прошептала она ему, затем обратилась к Рори: – Спустишь через минуту. Поставь пока музыку. Что-нибудь расслабляющее.

Рори ответил, что все сделает, и ушел в гостиную.

– Я лишь наполовину восстановился, – раздался голос Фрэнка. – Я не хочу, чтобы ты меня видела... не хочу, чтобы вообще кто-то видел... не таким... – Слова стали сбивчивыми, а тон подавленным. – Мне нужно больше крови, Джулия.

– Больше?

– И скоро.

– Насколько больше? – спросила она у теней. В этот раз Джулия лучше разглядела то, что пряталось в темноте. Понятно, почему он не хотел попадаться кому-то на глаза.

– Просто больше, – ответил Фрэнк. И пусть голос его был чуть громче шепота, в нем чувствовалась настойчивость, которая напугала Джулию.

– Мне надо идти... – ответила она, услышав музыку внизу.

В этот раз мрак ничего не ответил. У двери она обернулась и произнесла:

– Я рада, что ты вернулся.

Уже выходя, услышала звук, похожий то ли на смех, то ли на всхлипы.

Семь

1

– Кирсти? Это ты?

– Да? Кто это?

– Рори...

Связь на линии плыла, словно ливень снаружи каким-то образом просочился в трубку. И все равно Кирсти была рада услышать Рори. Он так редко ей звонил, а когда все-таки это случалось, то обычно говорил за себя и Джулию. Но не сегодня. В этот раз именно Джулия стала предметом разговора.

– С ней что-то не так, Кирсти, – сказал он. – И я не понимаю, что.

– В смысле? Она заболела?

– Возможно. Она просто кажется мне очень странной. И выглядит ужасно.

– Ты с ней говорил?

– Она отвечает, что все нормально. Но это не так. Я тут подумал, может, она поговорит с тобой?

– Я с ней не виделась с новоселья.

– В том и дело. Она не хочет выходить из дома. Это так на нее не похоже.

– То есть ты хочешь... чтобы я с ней поболтала?

– А ты сможешь?

– Не знаю, будет ли от наших разговоров хоть какой-то толк, но я постараюсь.

– Только не говори ей ничего об этом звонке.

– Конечно, не скажу. Позвоню ей завтра...

(«Завтра. Надо все сделать завтра.

Да... я знаю.

Мне кажется, я теряю связь, Джулия. Снова ускользаю».)

– Я в четверг наберу тебя из офиса. Расскажешь, что думаешь и как все прошло.

(«Ускользаешь?

Они уже знают, что я сбежал.

Кто?

Разрез. Уроды, которые меня сюда затащили...

Они тебя ждут?

Уже стоят за стеной».)

Рори рассыпался в благодарностях, а Кирсти в ответ сказала, что зачем иначе нужны друзья? Потом он положил трубку, а она все стояла, слушая дождь на пустой линии.

Теперь они оба стали созданиями Джулии, присматривали за ее благосостоянием, беспокоились, если жену Рори мучили кошмары.

Неважно, это была хоть какая-то близость.

Мужчина в белом галстуке не стал тянуть время. Как только он положил глаз на Джулию, то сразу подошел к ней. А она тут же решила, что он не подходит. Слишком большой; слишком уверенный. После того, какое сопротивление оказал первый, Джулия решила выбирать агнцев с большей тщательностью. Потому, когда Белый Галстук подошел и спросил, что она пьет, Джулия ему тут же отказала.

Он явно привык к такому, отнесся спокойно и ушел к бару. Она же выпила еще.

Сегодня на улице лило как из ведра – дождь шел с перерывами уже три дня – и клиентов было меньше, чем неделю назад. Одна или две промокших крысы зашли внутрь, но никто на Джулию лишний раз не взглянул. А часики тикали. Было уже далеко за два. Снова попасться Рори на глаза в таком состоянии Джулия не хотела. Потому осушила бокал и решила, что сегодня Фрэнку не повезло. Вышла из бара под ливень, открыла зонт и направилась к своей машине. А потом услышала шаги за спиной, Белый Галстук появился рядом и сказал:

– У меня отель рядом.

– О... – только и произнесла она, не останавливаясь.

Но его было не так-то легко смутить:

– Я здесь всего на два дня.

«Не искушай меня», – подумала Джулия.

– Мне просто нужна компания... – продолжил он. – Я тут не говорил еще ни с одной живой душой.

– Неужели?

Он схватил ее за запястье. Схватил крепко, она чуть не вскрикнула. И тогда поняла, что убьет его. А он, казалось, увидел желание в ее глазах и сразу спросил:

– В отель?

– Мне не очень нравятся отели. Они такие обезличенные.

– Есть идея получше?

Разумеется, идея была.

Он повесил мокрый плащ на вешалку, она предложила ему выпить, он не отказался. Сказал, что его зовут Патрик, приехал из Ньюкасла.

– Правда, бизнес идет не очень. Не слишком-то я много сделал.

– Почему же?

Он пожал плечами:

– Наверное, я – плохой продавец. Вот и все.

– А что продаешь?

– А какая тебе разница? – слишком резко ответил он.

Она улыбнулась. Надо быстро проводить Патрика наверх, пока ей не начала нравиться его компания.

– А может, обойдемся без светских разговоров?

Фраза была банальной, но она первой пришла Джулии в голову. Он одним глотком расправился с выпивкой и пошел

следом за ней.

В этот раз она не оставила дверь приоткрытой. Замок был заперт, что явно заинтриговало Патрика.

– После вас, – сказал он, когда дверь распахнулась.

Джулия пошла первой. Он за ней. В этот раз она решила, что до стриптиза не дойдет. Если какая-то пища и попадет на одежду, так тому и быть; она не даст жертве шанса понять, что в комнате они не одни.

– Значит, трахаться будем на полу? – небрежно спросил он.

– А есть возражения?

– Нет, если тебе так хочется, – сказал Патрик и прижался к ней губами, его язык стал шарить по ее зубам, словно ища в них изъяны. А в нем даже есть страсть, подумала Джулия; она почувствовала, как его твердый член уже прижался к ней. Но ей предстояла работа: пролить кровь, и накормить голодного.

Она прервала поцелуй и попыталась выскользнуть из его объятий. Нож лежал в кармане пиджака, висящего на двери. Без оружия ей ничего было противопоставить Патрику.

– Какие-то проблемы? – спросил он.

– Никаких... – пробормотала она. – Но и спешки нет. У нас уйма времени.

Джулия прикоснулась к его штанам, чтобы приободрить. Как собака, которую погладили, он закрыл глаза и произнес:

– Ты странная.

– Не смотри.

– А?

– Закрой глаза и не открывай.

Он нахмурился, но подчинился. Она сделала шаг назад, к двери, и слегка повернулась, чтобы пошарить в кармане, быстро бросив на мужчину взгляд, чтобы проверить, не обманывает ли он.

Он обманул и уже расстегивал ширинку. И когда рука Джулии схватила рукоятку ножа, тени зарычали.

– Что это? – Патрик резко повернулся и принялся всматриваться в темноту.

– Ничего, – она постаралась убедить его, вытащив нож из тайника. Но мужчина уже пошел вперед, вглубь комнаты.

– Так кто-то...

– Не смей!

– ...есть.

Последний слог он произнес неуверенно, заметив нетерпеливое движение во мраке рядом с подоконником.

– Боже... что там... – начал Патрик. Пока он вглядывался в темноту, Джулия кинулась на него и перерезала ему горло с расторопностью мясника. Кровь хлынула мгновенно, мощная струя ударила в стену с влажным шлепком. Джулия услышала довольный возглас Фрэнка, и стон умирающего, долгий и низкий. Он потянулся рукой в шее, закрыть рану, но Джулия рассекла ему ладонь, лицо. Патрик закачался, всхлипнул. А потом рухнул на пол, дергаясь.

Она отступила, чтобы не попасть под удар дрожащих ног. В углу комнаты туда-сюда раскачивался Фрэнк.

– Хорошая женщина... – сказал он.

У нее разыгралось воображение, или его голос уже окреп, стал похож больше на тот, что она тысячи раз слышала в голове за эти украденные у нее годы?

Затрезвонил звонок в дверь. Джулия замерла, неслышно произнесла:

– О боже...

– Все нормально, – ответила тень. – Он уже почти умер.

Джулия посмотрела на мужчину в белом галстуке и поняла, что Фрэнк прав. Судороги практически остановились.

– Он большой, – сказал Фрэнк. – И здоровый.

Он выбрался на свет, слишком жадный, чтобы помнить о собственных запретах; и тогда она впервые разглядела его в деталях. Фрэнк был карикатурой. Не просто на человека, но на саму жизнь. Джулия отвернулась.

Кто-то снова позвонил в дверь. На этот раз дольше.

– Иди и ответь, – сказал Фрэнк.

Джулия не ответила.

– Иди, быстро, – он повернул свою отвратительную голову в ее сторону, и глаза у него были такие яркие в окружающей их мерзости.

Звонок раздался в третий раз.

– Твой гость очень настойчив, – Фрэнк решил поиграть в убеждение там, где команды потерпели неудачу. – Я дей-

ствительно думаю, что тебе стоит посмотреть, кто пришел.

Она отступила от него, а он снова обратил все свое внимание на тело, лежащее на полу.

Снова звонок.

Наверное, лучше ответить (Джулия уже вышла из комнаты, стараясь не слышать звуки, которые издавал Фрэнк), лучше распахнуть дверь навстречу дню. Скорее всего, там какой-нибудь страховщик или Свидетель Иеговы с вестью о спасении. Да, сейчас она была бы не против услышать о таком. Звонок опять забренчал.

– Да иду я, – сказала Джулия, боясь, что гость уйдет. Она дружелюбно улыбнулась, открывая. Но улыбка тут же умерла.

– Кирсти.

– Я уже хотела уйти.

– Я... я спала.

– О.

Кирсти взглянула на привидение, открывшее ей дверь. По описаниям Рори она ожидала увидеть изможденное сознание. Но реальность оказалась совсем иной. Лицо Джулии покраснелось: пряди волос приклеились ко лбу от пота. Она не походила на женщину, которая только что проснулась. Может, и встала с постели, но не ото сна.

– Я просто зашла, – сказала Кирсти, – поболтать.

Джулия еле заметно пожала плечами:

– Ну, сейчас время не особо подходящее.

– Я вижу.

– Может, поговорим на неделе?

Взгляд Кирсти остановился на вешалке за спиной Джулии. Там висел все еще мокрый мужской плащ из габардина.

– А Рори дома?

– Нет, разумеется. Он на работе, – лицо Джулии застыло. – Ты за этим пришла? Повидать Рори?

– Нет, я...

– Не нужно просить у меня разрешения. Он – взрослый человек. Вы двое можете заниматься любой херней, какой вам угодно.

Кирсти не стала возражать. От столь крутого поворота в разговоре у нее закружилась голова.

– Иди домой, – сказала Джулия. – Я с тобой говорить не хочу.

И она захлопнула дверь.

Где-то с полминуты Кирсти стояла на пороге, ее трясло. Она мало сомневалась в том, что происходит. Мокрый плащ, волнение Джулии – ее покрасневшее лицо, неожиданный гнев. У нее в доме был любовник. Бедный Рори все понял не так.

Кирсти пошла по дорожке к улице. Мысли сворой толкались друг с другом, борясь за ее внимание. Наконец, одна одержала верх: что сказать Рори? Его сердце будет разбито, это она понимала. И кем тогда станет сама Кирсти? Незадачливой сплетницей, впечатление о которой будет навсегда

омрачено этими известиями, разве нет? Она почувствовала, как подступают слезы.

Впрочем, они так и не пролились; другое ощущение, куда настойчивее, овладело Кирсти, когда та наконец ступила на тротуар.

За ней наблюдали. Этот взгляд она чувствовала затылком. Неужели Джулия? Но почему-то Кирсти так не казалось. Тогда любовник. Точно, любовник!

Выбравшись из тени дома, она поддалась любопытству и развернулась.

В сырой комнате Фрэнк наблюдал за ней через дырочку, которую проделал в жалюзи. Гостья – он даже вспомнил, что где-то видел ее раньше, – пристально смотрела на дом, на это самое окно. Уверенный, что она ничего не разглядит, он спокойно изучал ее. Определенно, его взгляд услаждали женщины куда роскошнее, но что-то в таком недостатке обаяния привлекало Фрэнка. Обычно с такими женщинами, как эта, было куда интереснее, чем с красотками, вроде Джулии. Они были всегда благодарны за внимание, а лестью или угрозами их можно было склонить к тому, чего красавицы никогда бы не разрешили. Возможно, она вернется, эта женщина. Фрэнк надеялся, что так и будет.

Кирсти осмотрела фасад дома, но ничего не заметила; в окнах либо ничего не было, либо они были занавешены. Но чувство того, что за ней наблюдают, не исчезало; более того, оно казалось настолько сильным, что Кирсти отвернулась в

смущении.

Когда Кирсти отправилась дальше по Лодовико-стрит, снова пошел дождь, и ей это даже понравилось. Он остудил щеки и скрыл слезы, которые она уже не могла сдержать.

3

Джулия, дрожа, отправилась наверх, и увидела, что Белый Галстук лежит у двери. Точнее, его голова. В этот раз, то ли от жадности, то ли от злобы, Фрэнк расчленил труп. Куски костей и высохшего мяса разбросал по всей комнате.

Но сам гурман куда-то исчез.

Она повернулась к двери, и оказалось, что он там, загораживает выход. Буквально несколько минут прошло с тех пор, как она видела Фрэнка, склонившегося над трупом. За это короткое время он преобразился до неузнаваемости. Там, где раньше виднелись сморщенные хрящи, теперь показались не до конца созревшие мускулы; заново прорисовалась карта артерий и вен; они пульсировали от украденной жизни. На голом шаре головы даже пробился клочок волос, пусть и несколько преждевременно из-за отсутствия кожи.

Все это совершенно не украсило Фрэнка. Скорее, сделало его еще отвратительнее. Раньше в нем едва ли можно было разглядеть хоть что-то узнаваемое, теперь же повсюду бросались в глаза обрывки человечности, лишь сильнее оттеняя катастрофическую природу его увечий.

А потом стало еще хуже. Он заговорил, и голос его совершенно точно принадлежал Фрэнку. Все прерывистые слоги исчезли.

– Я чувствую боль.

Глаза с наполовину отросшими веками, без бровей, следили за каждым ее движением. Джулия попыталась скрыть тошноту, подступающую к горлу, но понимала, что получилось довольно плохо.

– У меня снова работают нервы, – рассказал он ей, – им больно.

– И как я могу тебе помочь?

– Не знаю... может, забинтовать?

– Забинтовать?

– Да, помоги мне сделать перевязку.

– Ну, если ты так хочешь.

– Но мне нужно больше, Джулия. Мне нужно еще одно тело.

– Еще одно? – спросила она. Когда же все это кончится?

– А что терять-то? – ответил он, сделав шаг ей навстречу. От неожиданной близости она сильно встревожилась. Увидев страх на ее лице, Фрэнк остановился.

– Скоро я снова стану целым... – пообещал он, – и когда это произойдет...

– Мне лучше прибратся, – Джулия не могла смотреть на него.

– И когда это произойдет, милая Джулия...

– Скоро вернется Рори.

– Рори! – Фрэнк чуть ли не сплюнул. – Мой дражайший братец! Боже, да как ты могла выйти замуж за такого олуха?

Она вдруг почувствовала, как ее скрутила злость:

– Я любила его, – но, секунду поразмыслив, Джулия поправила себя: – Я думала, что любила его.

Фрэнк засмеялся, и от хохота его ужасное состояние стало еще очевиднее.

– Да как ты могла в это поверить? Он же слизняк. И всегда таким был. Никакой тяги к приключениям.

– В отличие от тебя.

– В отличие от меня.

Джулия посмотрела на пол; между ними лежала рука мертвеца. На секунду Джулию захлестнула волна отвращения к себе. Все, что она сделала, все, о чем мечтала последние несколько дней, вернулось в тот же миг: череда искушений, закончившихся гибелью, – и все ради вот этой смерти, которая, как она истово надеялась, закончится искушением. Джулия подумала, что, как и Фрэнк, проклята; какая бы отвратительная цель не зарождалась в его разуме, через минуту увещеванием или трепетом она проникала и в нее.

Что ж... все было решено.

– Исцели меня, – прошептал он. Жесткость исчезла из голоса Фрэнка. Он говорил как любовник. – Исцели меня... пожалуйста.

– Исцелю. Обещаю.

– И тогда мы будем вместе.

Джулия нахмурилась:

– А что насчет Рори?

– Глубоко внутри мы все равно братья. Я заставлю его увидеть мудрость такого решения, он поймет, что произошло чудо. Ты не принадлежишь ему, Джулия. Больше нет.

– Больше нет, – повторила она. И это было правдой.

– Мы принадлежим друг другу. Ведь ты же этого хочешь, разве нет?

– Этого я и хочу.

– Знаешь, я тут думал, что если бы со мной была ты, я бы не отчаялся, – произнес Фрэнк. – Не отдал бы свои тело и душу так дешево.

– Дешево?

– Ради удовольствия. Ради одного только сладострастия. В тебе... – он снова сделал шаг ей навстречу. В этот раз слова Фрэнка удержали Джулию; она не отступила. – В тебе я нашел смысл жить.

– Я здесь, – сказала она. А потом, не думая, протянула руку и дотронулась до него. Тело оказалось жарким и влажным. Оно как будто все пульсировало. Бился каждый нежный узелок нервов, каждая зарождающаяся жилка. Прикосновение взволновало Джулию. Как будто до этого самого мгновения она не до конца верила в то, что Фрэнк реален. Теперь же это было неоспоримо. Она создала этого мужчину или переделала его, лишь своим разумом и хитростью придала ему

материальность. Трепет, который она сейчас ощущала, до-трагиваясь до этого тела, такого ранимого и хрупкого, был трепетом обладания.

– Сейчас наступило самое опасное время, – сказал он. – Раньше я мог спрятаться. Я был практически ничем. Но теперь все изменилось.

– Да, об этом я уже думала.

– Все надо сделать быстро. Я должен стать сильным и цельным, любой ценой. Ты согласна?

– Разумеется.

– И тогда ожиданию придет конец, Джулия.

При этой мысли его пульс, казалось, участился.

И тогда Фрэнк встал перед ней на колени. Сначала коснулся бедер Джулии своими незаконченными руками, потом ртом.

Отринув остатки отвращения, она положила руку ему на голову, ощутила волосы – шелковые, как у младенца, – и скорлупу черепа под ними. С прошлого раза, когда Фрэнк и Джулия были вместе, он так и не научился нежности. Но отчаяние преподало ей урок, теперь она знала, как выжать кровь из камня; со временем она получит любовь от этой отвратительной твари или узнает, почему все это произошло.

Восемь

1

В ту ночь гремел гром. Бушевала гроза без дождя, от которой воздух пах сталью.

Кирсти всегда спала плохо. Даже ребенком, хотя ее мать знала столько колыбельных, что ими можно было успокоить целые страны. И все равно, девочка никогда не была со сном на короткой ноге. Ей не снились кошмары, по крайней мере такие, которые остаются с тобой до утра. Нет, дело было в самом сне – в том, как ты закрываешь глаза и отпускаешь сознание на волю – к такому Кирсти по своему темпераменту была не слишком пригодна.

Сегодня ночью оглушительно гремел гром, ярко сверкали молнии, а Кирсти была счастлива. У нее появился законный предлог оставить смятую постель, выпить чаю и посмотреть в окно, на великолепное зрелище.

К тому же бодрствование давало время подумать – повертеть в голове проблему, которая досаждала ей с тех самых пор, как она ушла из дома на Лодовико-стрит. Но ответа Кирсти так и не нашла.

Больше всего ее беспокоило сомнение. А если она ошиблась насчет того, что увидела? Неправильно истолковала

свидетельства, а у Джулии есть совершенно нормальное объяснение? Тогда Кирсти моментально потеряет Рори.

С другой стороны, как она могла промолчать? Она даже думать не могла о женщине, которая смеется за его спиной, пользуется его учтивостью и наивностью. От одной только мысли об этом в жилах Кирсти кипела кровь.

А значит, оставался единственный вариант: ждать и наблюдать, найти какое-то неопровержимое доказательство. Если подтвердится самое худшее, тогда у нее не останется выбора, и она расскажет Рори обо всем, что увидела.

Да. Вот и ответ. Ждать и наблюдать, ждать и наблюдать.

Гром бушевал еще долго, Кирсти не могла заснуть до четырех утра. Когда же, наконец, добралась до постели, то погрузилась в сон выжидающего наблюдателя. Чуткий и полный вздохов.

2

Из-за грозы дом больше походил на поезд-призрак. Джулия сидела внизу и считала секунды между вспышкой и яростным грохотом, приходящим вслед за ней. Она никогда не любила гром. Она, убийца; она, любовница живого мертвеца. Еще один парадокс из тысячи, что теперь появились в ней. Джулия не раз думала подняться на второй этаж и найти утешение в своем чуде, но понимала, что это будет опрометчиво. Рори мог в любую секунду вернуться со своей офис-

ной вечеринки. И скорее всего, придет пьяный и нежеланно любвеобильный.

Гроза подобралась ближе. Пытаясь заглушить грохот, Джулия включила телевизор, но тот редко справлялся со своей задачей.

В одиннадцать пришел Рори, весь озаренный улыбкой. У него были хорошие новости. В разгар вечеринки начальник отвел его в сторону, поблагодарил за отличную работу и произнес целую речь о том, какое славное будущее ждет Рори. Джулия его слушала и надеялась, что из-за опьянения муж не заметит, насколько ей все равно. Наконец, закончив излагать новости, он снял пиджак и присел на диван рядом с ней.

– Бедняжка! Тебе не нравится гром.

– Со мной все нормально.

– Ты уверена?

– Да, все хорошо.

Рори склонился к ней и повел носом Джулии по уху.

– Ты вспотел, – спокойно заметила она.

Он не прекратил заигрываний, явно не желая убирать дирижерскую палочку, раз уж ее поднял.

– Пожалуйста, Рори... – попросила Джулия. – Я не хочу.

– Почему нет? Что я сделал?

– Ничего, – Джулия притворилась, что ее очень интересует передача по телевизору. – Все хорошо.

– Да неужели? У тебя все хорошо, у меня все хорошо. У всех, блядь, все хорошо.

Она все смотрела на мерцающий экран. Начались ночные новости, как обычно, открылась чаша, до краев полная горечи. Рори все говорил, своими тирадами заглушая речь диктора. Джулия не возражала. Что мог ей предложить мир? Практически ничего. А вот она, она могла поведать миру такое, отчего бы тот вздрогнул. Поведать о том, как живут проклятые; о любви потерянной и обретенной; о том, что общего есть у желания и отчаяния.

– Пожалуйста, Джулия... – все говорил Рори, – просто поговори со мной.

Вняв мольбам, она обратила на него внимание. Он же подходит, подумала она, на того ребенка с фотографии: да, тело обрюзгло и покрыто волосами, одежда, как у взрослого, но, по сути, Рори – все еще мальчишка, растерянный и обиженный. Она вспомнила вопрос Фрэнка: «Как ты могла выйти замуж за этого олуха?» При этой мысли губы ее исказились от злобной ухмылки. Рори смотрел на нее, и его удивление только крепло.

– Да что смешного, черт тебя дерит?

– Ничего.

Он покачал головой, пробуждающийся гнев уже оттеснял обиду. Раскат грома последовал за молнией практически через секунду. И вместе с ним сверху раздался какой-то шум. Джулия быстро перевела взгляд на телевизор, надеясь переключить внимание Рори. Но тщетно; он все услышал:

– Что это было?

– Гром.

– Нет. Что-то еще, – Рори встал и пошел к двери.

Десятки возможностей пронесли в ее голове, ни одна из них не казалась особо практической. Он пьяно сражался с ручкой.

– Может, я оставила окно открытым, – Джулия тоже поднялась. – Сейчас пойду и посмотрю.

– Я и сам могу сходить. Я еще не совсем беспомощный.

– Никто и не говорил... – начала она, но он не слушал. Когда вышел в прихожую, ударила молния вместе с громом: громко и ярко. Джулия побежала за ним, и еще одна вспышка последовала за предыдущей, а грохот раздался такой, что добрался до самых внутренностей. Рори уже преодолел поллестницы.

– Там ничего не было! – крикнула Джулия. Но он не услышал и поднялся на верхнюю площадку. Она побежала за ним, крикнув в тишине между раскатами:

– Не надо...

В этот раз Рори ее услышал. Или решил услышать. Когда она добралась до последней ступеньки, он ее ждал.

– Что-то не так?

Она скрыла смятение, пожав плечами, и тихо ответила:

– Ты ведешь себя глупо.

– Неужели?

– Это был просто гром.

Его лицо, освещенное светом из прихожей, неожиданно

смягчилось, и Рори спросил:

– Почему ты обращаешься со мной, как с дерьмом?

– Ты просто устал.

– И все-таки, почему? – по-детски принялся настаивать он. – Что я тебе сделал?

– Все в порядке. На самом деле, Рори. Все в порядке.

Одни и те же убаюкивающие банальности, снова и снова.

Опять гром. А за грохотом слышался другой шум. Джулия прокляла неосторожность Фрэнка.

Рори развернулся и посмотрел на темную площадку.

– Ты это слышала?

– Нет.

Из-за выпивки он нетвердо стоял на ногах и отошел от нее. Джулия видела, как он исчезает во тьме. Вспышка молнии, пролившаяся из открытой двери спальни, на мгновение осветила его; потом снова тьма. Рори шел к сырой комнате. К Фрэнку.

– Подожди... – Джулия кинулась за ним.

Он не остановился, миновав последние несколько ярдов. Когда она подбежала к нему, Рори уже положил ладонь на дверную ручку.

Вдохновленная паникой, Джулия прикоснулась к его щеке:

– Я боюсь...

Рори, пошатываясь, обернулся к ней.

– Чего?

– Грозы.

Во мраке она видела лишь блеск его влажных глаз и ничего больше. Он заглотнул наживку или решил ее выплюнуть?

А потом Рори сказал:

– Бедняжка.

Заглотнул, возликовала она, и положила руку ему на ладонь, убирая ее от двери. Если бы Фрэнк сейчас просто вздохнул, все было бы потеряно.

– Бедняжка, – повторил Рори и обнял ее. Он плохо держал равновесие, свинцовым грузом повиснув у нее на руках.

– Пошли, – сказала Джулия, лаской уводя его прочь. Он, шатаясь, сделал несколько шагов, но потом потерял равновесие. Она отпустила его и оперлась о стену. Снова вспыхнула молния, и в ее свете она увидела, что он неотступно следит за ней, а его глаза мерцают.

– Я люблю тебя, – сказал Рори, подошел прямо к ней и так навалился на нее, что оказать отпор она просто не могла. Лицом прижался к ямке на шее, бормоча в нее комплименты. А потом принялся целовать. Джулии так хотелось его оттолкнуть. Так хотелось взять Рори за липкую вялую руку и показать ему отринувшего смерть монстра, с которым он чуть не столкнулся.

Но Фрэнк еще не был готов к такому противостоянию, пока нет. А потому Джулия пришлось терпеть ласки Рори и надеяться, что он быстро выдохнется.

– Почему бы нам не пойти вниз? – предложила она.

Он что-то пробормотал ей в шею, но с места не двинулся. Левую руку положил ей на грудь, правой – обнял за талию. Джулия позволила ему залезть ей под блузку. Воспротивившись сейчас, она бы только раззадорила мужа.

– Ты нужна мне, – прошептал Рори ей на ухо, подняв голову. Когда-то, полжизни назад, сердце Джулии подпрыгнуло бы от такого признания. Теперь она была умнее. Сердце не походило на акробата; в кольцах кишок ничего не щекотало. Тело всегда работало стабильно. Вдыхало воздух, гоняло кровь, измельчало и обрабатывало пищу. Думая так о своей анатомии, без всякой романтики – как о собрании естественных императивов, укорененных в плоти и крови, – Джулия с большей легкостью позволила Рори снять с себя блузку и прижаться лицом к груди. Ее нервные окончания исполнительно отреагировали на прикосновения языка, но опять же это был лишь урок физиологии. А сама Джулия, непоколебимая, пребывала под куполом черепа.

Рори принялся раздеваться сам; она мельком увидела его хваленый орган, которым он потерял о ее бедро. А потом он раздвинул ей ноги, стянул с нее трусы, не до конца, лишь бы не мешали. Джулия не сопротивлялась, не издала ни звука, когда Рори в нее вошел.

А он тут же принялся шуметь, слабые признания в любви и похоти сплелись воедино. Она слушала вполуха, пусть играет, зарывшись лицом в ее волосы.

Зажмурившись, Джулия пыталась себе представить луч-

шие дни, но молния испортила все грезы. Когда за светом раздался гром, она снова открыла глаза и заметила, что дверь в сырую комнату приоткрыта на два или три дюйма. В узкой щели виднелась поблескивающая фигура, наблюдающая за ними.

Джулия не могла толком разглядеть Фрэнка, но чувствовала его взгляд, от зависти и гнева такой острый, что он даже не сверлил, а резал. Но она не отвернулась, а все смотрела на эту тень, пока стоны Рори усиливались. И тут одна секунда переродилась в другую, и Джулия уже лежала на кровати, чувствуя под собой смятое свадебное платье, в то время как между ног у нее примостился черно-красный зверь, желая, чтобы она отведала его любви.

– Бедняжка, – сказал Рори и тут же заснул. Он лежал на кровати, все еще одетый; Джулия даже не пыталась его раздеть. Когда его храп стал ровным, она вышла из спальни и вернулась в сырую комнату.

Фрэнк стоял у окна, наблюдая за тем, как гроза уходит на юго-восток. Он сорвал жалюзи. Стены озарял свет от фонарей на улице.

– Он слышал тебя, – сказала Джулия.

– Мне надо было посмотреть на грозу, – просто ответил Фрэнк. – Мне это было нужно.

– Рори чуть не нашел тебя, черт побери.

Фрэнк покачал головой:

– Нет такой вещи как «чуть». – Потом замолчал, все еще

смотря в окно, и через какое-то время продолжил: – Я хочу наружу. Я хочу снова все обрести.

– Я знаю.

– Нет, ничего ты не знаешь. Ты понятия не имеешь о том голоде, который меня гложет.

– Тогда завтра. Завтра я достану еще одно тело.

– Да. Ты так и сделаешь. И мне нужно кое-что еще. Во-первых, радио. Я хочу знать, что происходит там, снаружи. Во-вторых, еда. Нормальная еда. Свежий хлеб...

– Все, что хочешь.

– ...и имбирь. Маринованный, понимаешь, о чем я? С сиропом.

– Я в курсе.

Он мельком взглянул на нее, но словно все равно не видел. Сегодня он заново знакомился с миром, а того было слишком много.

– Я и не знал, что уже наступила осень, – сказал Фрэнк и снова принялся наблюдать за грозой.

Девять

Когда на следующий день Кирсти свернула к дому на Лодовико-стрит, то сразу заметила, что жалюзи на втором этаже исчезли. Теперь окна были заклеены бумагой.

Кирсти остановилась в тени ограды из падуба, надеясь, что отсюда сможет наблюдать за домом, а сама остаться невидимой. Потом принялась за работу.

Ее старания были вознаграждены не сразу. Только через два с лишним часа из дома вышла Джулия, еще час с четвертью прошли, прежде чем она вернулась, и за это время ноги у Кирсти онемели от холода.

Джулия пришла не одна. Мужчину, который приехал с ней, Кирсти не знала, и на выходца из кругов Джулии он не походил. Судя по всему, средних лет, коренастый и лысоватый. На крыльце, прежде чем войти в дом, он нервно оглянулся, словно боялся соглядатаев.

Кирсти прождала в укрытии еще минут двадцать, не понимая, что делать дальше. Стоит ли постоять здесь, пока мужчина не выйдет на улицу, а потом расспросить его? Или лучше подойти к дому и попытаться уговорами пробраться внутрь? Обе возможности не казались особо привлекательными. Кирсти решила ничего не решать заранее. Подобраться поближе, а там уж как вдохновение подскажет.

Вдохновение подсказало мало. Идя по дороге, она чув-

ствовала, как ноги так и норовят повернуть назад. Когда она уже была на волосок от того, чтобы сбежать, из дома послышался крик.

Мужчину звали Сайкс, Стэнли Сайкс. И это было далеко не все, о чем он рассказал Джулии по дороге из бара. Она узнала, как зовут его жену (Моди), кем он работает (ассистентом подолога), он даже показал ей фотографии своих детей (Ребекки и Итана), поворковав над ними. Мужчина, казалось, не хотел, чтобы она и дальше его соблазняла. Джулия же просто улыбнулась и сказала, что ему повезло.

Но когда они вошли в дом, все пошло наперекосяк. На середине лестницы Сайкс вдруг объявил, что они поступают неправильно – что Бог видит их, знает их сердца и счел их греховными. Она попыталась успокоить Стэнли, но отбить его у Господа не получилось. Вместо этого он вышел из себя и кинулся на нее с кулаками. Он мог бы натворить бед со своим праведным гневом, если бы не голос, который позвал его со второго этажа. Сайкс тут же прекратил бить Джулию и так побледнел, словно его окликнул сам Господь. И тогда на лестничной площадке появился Фрэнк во всей своей красе. Сайкс истошно завопил, попытался убежать. Но Джулия была быстрее. Она вцепилась в него так сильно, что Фрэнк спустился и задержал его уже навсегда.

Она даже не понимала, насколько Фрэнк стал сильным, до тех пор, пока не услышала треск и хруст костей, когда он схватил Сайкса. Тот заорал от одного лишь прикосновения,

и чтобы жертва замолчала, Фрэнк своротил ей челюсть.

Второй крик оборвался внезапно, но в нем чувствовалось столько паники, что Кирсти чуть не подбежала к двери и не постучалась.

Только сразу передумала. Вместо этого она пошла в обход, с каждым шагом сомневаясь в мудрости своего поступка, но также понимая, что нападение в лоб ничего ей не даст. На калитке, ведущий в сад позади дома, не хватало засова. Кирсти быстро прошла внутрь, прислушиваясь к малейшему шороху, особенно к топоту собственных ног. Изнутри дома – ничего. Даже стона.

Оставив калитку открытой на случай быстрого отступления, она поспешила к заднему входу. Тот был не заперт. От сомнения Кирсти даже остановилась. Может, лучше позвонить Рори, привести его в дом? Но к тому времени внутри уже все кончится, а Кирсти прекрасно знала, что если только Джулию не застанут с поличным, та увернется от любых обвинений. Нет, есть только один выход. И Кирсти вошла в дом.

Внутри стояла тишина. Даже звука шагов не было слышно, чтобы помочь ей понять, где находятся актеры, которых она видела. Кирсти прошла на кухню, оттуда в столовую. Желудок свело; в горле неожиданно так пересохло, что Кирсти едва могла сглотнуть.

Из столовой в гостиную, а оттуда в прихожую. И по-прежнему ничего: ни шепота, ни вздоха. Джулия и ее спутник

могли быть только наверху, а значит, Кирсти лишь послышался страх в криках. Возможно, то было наоборот наслаждение. Оргазмический вопль и никакого ужаса, который ей показался. Такую ошибку легко допустить.

Парадная дверь находилась справа, буквально в нескольких ярдах. Кирсти все еще могла уйти, трусость искушала ее изнутри, говорила, что никто ничего не узнает. Но жуткое любопытство овладело ей, желание узнать (увидеть) все тайны дома и покончить с ними. Когда она поднималась по лестнице, это любопытство превратилось в нечто, похожее на опьянение.

Она добралась до верха и пошла по площадке. Ей в голову неожиданно пришла мысль, что птички уже улетели, пока она пробиралась через черный ход. Первая дверь слева вела в спальню; если они где и трахались, Джулия и ее ухажер, то явно тут. Но нет. Дверь в комнату была приоткрыта; Кирсти заглянула внутрь. Белье на кровати оказалось идеально гладким, не смятым.

А потом – уродливый крик. Так близко, так громко, у нее замерло сердце.

Она отшатнулась и увидела, как из дальней комнаты вывалилась фигура. Кирсти не сразу узнала нервного мужчину, который пришел с Джулией, – и то лишь по его одежде. Все остальное изменилось, чудовищно изменилось. За те минуты, которые прошли с тех пор, как она видела его на крыльце, незнакомца, казалось, свалила какая-то жуткая бо-

лезнь, иссушившая всю плоть на костях.

Заметив Кирсти, он бросился к ней в надежде получить хотя бы хрупкую защиту. Но не успел сделать и шага, как позади него появилось что-то. Оно тоже казалось пораженным болезнью, его тело было забинтовано с ног до головы – перевязки покрывали пятна крови и гноя. Но в скорости и ярости последовавшей атаки не чувствовалось и намек на недуг. Совсем наоборот. Оно рванулось к убегающему мужчине и схватило его за шею. Кирсти вскрикнула, когда существо заключило жертву в объятия.

Та захныкала, насколько позволяла вывернутая челюсть. А потом ее противник усилил хватку. Тело задрожало, принялось извиваться; его ноги подогнулись. Кровь струями вырвалась из глаз, носа и рта. Капли взметнулись в воздух, подобно горячему дождю, испятив Кирсти лоб. От этого ощущения она вырвалась из транса. Не было времени ждать и наблюдать. Пришла пора бежать.

Чудовище не погналось за ней. Она добралась до лестницы, и ее никто не схватил. Но когда уже занесла ногу над ступенькой, оно обратилось к Кирсти.

И его голос звучал... знакомо.

– А вот и ты.

Оно говорило тепло, мягко, словно знало ее. Кирсти замерла.

– Кирсти. Подожди.

Разум говорил бежать. Но нутро не слушало мудрого со-

вета. Оно хотело вспомнить, кому принадлежал этот голос, доносящийся из-под бинтов. Кирсти решила, что время есть; у нее была фора ярдов в восемь. Она оглянулась. Тело в руках чудовища свернулось в позе зародыша, прижав ноги к груди. Зверь бросил останки на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.